

РАЙЛИРЕДГЕЙТ

7 СПОСОБОВ 7 СОВРАТЬ

13
причин

зависть

знев

похоть

чревоугодие

леность

альчность

18+

гордыня

Райли Редгейт
7 способов соврать
Серия «13 причин»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28538454
7 способов соврать: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-101683-8

Аннотация

Школа города Паломы – по любым меркам – самая обычная. Здесь такие же, как и во всякой другой школе, группировки, предубеждения и сомнительная еда в столовой. И, как и во всякой другой школе, здесь каждому ученику есть что скрывать.

Когда по школе поползли слухи о романе между педагогом и кем-то из учащихся, все принялись искать виноватых. В эпицентре скандала оказалось семь человек, никак между собой не связанных. С того дня их жизнь изменилась безвозвратно.

Содержание

Оливия Скотт	6
Кэт Скотт	26
Мэтт Джексон	36
Джунипер Киплинг	50
Оливия Скотт	53
Валентин Симмонс	63
Джунипер Киплинг	69
Клэр Ломбарди	73
Лукас Маккаллум	77
Оливия Скотт	92
Клэр Ломбарди	101
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Райли Редгейт

7 способов соврать

First published in the English language in 2016 by Amulet Books, an imprint of Harry N. Abrams, Incorporated, New York.

ORIGINAL ENGLISH TITLE: Seven Ways We Lie (All rights reserved in all countries by Harry N. Abrams, Inc.)

© Riley Redgate, 2016

© И. Новоселецкая, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Привет. Имя мне – Похоть.

Привет. Имя мне – Зависть.

Привет. Имя мне – Алчность.

Привет. Имя мне – Лениность.

Привет. Имя мне – Чревоугодие.

Привет. Имя мне – Гнев.

Привет. Имя мне – Гордыня.

Школа города Паломы – по любым меркам – самая обычная. Здесь такие же, как и во всякой другой школе, группировки, предубеждения и сомнительная еда в столовой. И, как и во всякой другой школе, здесь каждому ученику есть что скрывать, буквально каждому, начиная с Кэт, драматической

актрисы, которая утратила доверие к людям и теперь изливает свою боль на сцене, до Валентина, гениального неврастеника, спровоцировавшего скандал.

Когда тот скандал разразился и по школе поползли слухи о романе между педагогом и кем-то из учащихся, все принялись искать виноватых. В эпицентре оказалось семь человек, никак между собой не связанных. С того дня их жизнь изменилась безвозвратно.

НОЭЛЬ посвящаются истории, нами сочиненные, истории, нами пережитые, и все супергерои в этих историях

Оливия Скотт

– Ну вот, – говорю я, – либо печка перегрелась, либо мы спустились прямо в ад.

– По-моему, и то и другое, – отвечает Джунипер. – Собрания, вечные муки... один черт.

– Это уж точно. – Я вытираю с лица пот. Кажется, как будто все тело плавится. – Господи, какой кошмар!

Справа от нас непрерывным потоком движутся ученики. Они заполняют душный актовый зал, занимая места перед нами. Джунипер завязывает на затылке волосы. Опрятная, ни чуточки не вспотевшая, она похожа на одну из воздушных девиц, рекламирующих дезодоранты, которые порхают на белом фоне, обдуваемые сценическим вентилятором. Я привыкла видеть ее такой. Джунипер из тех красавиц, которые нам, простым смертным, кажутся недостижимыми. У нее серые глаза, строгий взгляд; светлые волосы зачесаны назад; на щеках едва заметный румянец. Всем своим обликом она излучает предельную собранность. Всегда такой была.

Мое внимание привлекают странные звуки с противоположного конца прохода – то ли кто-то горло дерет, то ли кошку душат. Я поворачиваюсь на шум и перехватываю взгляд Андреа Силверстайн – тяжелый взгляд, который мог бы придавить к земле.

– О боже, этого еще не хватало, – бурчу я, съеживаясь на

стуле.

– Не обращай на нее внимания.

– Пытаюсь, Джуни.

Вот объясните, почему каждый считает себя вправе совать нос в то, что называется «личная жизнь», – в мою личную жизнь? Взять хотя бы сегодня. В коридоре двое прожигали меня убийственным взглядом, кто-то шептался, стыдливо отводя глаза, и еще на чьем-то лице я прочла изумленное «Ба, да это же *Оливия Скотт!*». И вообще, почему меня все узнают?

Ладно еще Андреа на меня злится. Имеет право: я ведь встречаюсь с ее братом. А остальные пусть идут куда подальше.

Андреа не оставляет меня в покое; тогда Джунипер наклоняется вперед и холодно смотрит на нее. Андреа тут же отворачивается.

С Джунипер мы подружились еще в третьем классе, и мне до сих пор кажется, что она вот-вот вытащит откуда-нибудь волшебную палочку, которая у нее наверняка есть. Джунипер всегда держится с величавым спокойствием, чем невольно притягивает окружающих. Стоит ей заговорить, и она уже в центре внимания: ее слушают затаив дыхание. Прежде чем что-то сказать, Джуни тщательно обдумывает каждое предложение, анализирует его, чтобы ее речь звучала безупречно.

– Черт. Ты видишь Клэр? – спрашиваю я, рыская взглядом по залу. – Я обещала найти ее.

Но в толпе, окрашенной сиянием флуоресцентных ламп в тошнотворный зеленоватый цвет, рыжие волосы Клэр, как обычно, не отсвечивают.

– Может, она решила забить, – высказывает предположение Джунипер, криво усмехаясь.

Я фыркаю, причем так смачно, что чуть мозг не лопается. Наверное, что-то в лесу сдохло, раз Клэр решила пропустить школьное мероприятие.

Последний раз окинув взглядом актовый зал, я прекращаю поиски. В сердце закрадывается тревога. Одному богу известно, сколько человек не пришло сегодня на общешкольное собрание, но свободных мест полно, и одно из них, невольно думаю я, должна занимать моя сестра.

Нам несколько раз звонили домой по поводу того, что она прогуливает занятия. Скучнейший голос уведомлял: «Сообщение из школы округа Рипаблик. Доводим до вашего сведения, что сегодня Катрина Скотт пропустила несколько уроков. Просим в течение трех дней представить объяснительную записку».

Эти сообщения ставят меня в тупик. Чем занимается Кэт, когда прогуливает школу? Машины у нее нет и друзей, с которыми она могла бы зависать вместо занятий, насколько мне известно, – тоже. Впрочем, в последнее время я мало общаюсь с сестрой: складывается впечатление, что она стремится сделать все, чтобы вычеркнуть меня из своей жизни. Если так будет продолжаться, придется остерегаться снайпе-

ров.

Свет в зале тускнеет, двери со стуком закрываются. Учителя встают на страже по обе стороны от выхода, словно собираются предотвратить мятеж. На сцену поднимается директор Тернер, и ее озаряют огни.

Трибуна, микрофон, прочее – все это красиво, конечно, но Эне Тернер все это не нужно. Наша директриса – в прошлом военный летчик, лет тридцати пяти, в жемчугах, со свирепым взглядом сторожевой собаки и столь же свирепым лающим голосом. Каждый раз, когда она открывает рот, вокруг у всех, кому еще нет двадцати, начинается приступ паники.

Директриса кашлянула, прочищая горло, и в актовом зале мгновенно воцарилась тишина.

– Добрый день, – обращается она к аудитории.

Как ни странно, выглядит она расстроенной. Я говорю «как ни странно», потому что обычно лицо у Тернер каменное: она уже давно убедила всю школу, что не способна на проявление каких-либо чувств.

Эна Тернер кладет руки перед собой на кафедру, переплетает пальцы.

– Преподаватели и учащиеся, я пригласила вас на это собрание, чтобы обсудить серьезную проблему, с которой столкнулась администрация школы.

– Ого, похоже, будет интересно, – шепчу я Джунипер, потирая руки. – Думаешь, они поймали того, кто гадит в ста-

ром крыле на третьем этаже?

Джунипер улыбается, и тут Тернер произносит:

– Нам стало известно, что у одного из преподавателей старших классов роман с кем-то из учащихся.

Я тупо моргаю, с трудом осмысливая услышанное.

Искоса смотрю на Джунипер. Та разинула рот. Вокруг нас поднимается ропот. Директор Тернер снова прокашливается, но на этот раз гомон не смолкает. Видимо, смирившись с беспорядком, она продолжает:

– На наш сайт поступило анонимное сообщение. Фамилии не указаны, но к подобным обвинениям мы относимся крайне серьезно. Если вы что-то об этом знаете, прошу сообщить мне или школьному методисту. А пока мы разослали письма вашим родителям. Они получают их в течение двух-трех дней. – Гомон усиливается. Директриса повышает голос. – Мы намерены расследовать это дело с предельной открытостью. Мы можем во всем разобраться и в ближайшее время обязательно это сделаем.

Я складываю руки на груди, оглядываюсь по сторонам. Море лиц, и на каждом потрясение, тревога либо волнение. Можно было бы спросить, с чего вдруг скандальные отношения между учителем и кем-то из учащихся посеяли смуту в школьных рядах, но я-то знаю, что мои одноклассники начинают гудеть, как потревоженный улей, услышав даже об обычных романах, между сверстниками.

Тернер смахивает со лба капли пота – наверное, даже на

нее жара действует – и опускает взгляд на свои записи.

– Даже такие, еще не получившие подтверждения, заявления, безусловно, вселяют тревогу, и, кроме того, они служат напоминанием о том, что безопасность учеников нашей школы для нас важнее всего. Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы еще раз вспомнить правила поведения. По моей просьбе мистер Гарсия подготовил небольшую презентацию о том, как пресекать нежелательное внимание сексуального характера.

Тернер кивает в сторону кулис. Мистер Гарсия, наш учитель английского языка и литературы, выкатывает диапроектор – симпатичный раритет середины 1990-х – и кладет на отражатель слайд. Гарсия помешан на старье, что вызывает недоумение, а еще чаще раздражение. Ну правда, кто теперь ностальгирует по диапроекторам?

Тернер спускается со сцены, и Гарсия начинает лекцию. Чем дольше он говорит, тем бессмысленнее становится его речь. Подобную чушь я регулярно слышу и вижу в новостях, причем виновниками скандала почему-то всегда выступают какой-нибудь чокнутый учитель физкультуры и забеременевшая от него пятнадцатилетняя школьница. При мысли о том, что наши учителя физкультуры могут кого-то обрюхатить, я испытываю рвотный позыв: им обоим, по-моему, не меньше шестидесяти пяти. Тем более глупо рассматривать эту ситуацию с точки зрения самих учениц. Какая девчонка моего возраста вляпается в такое? Все же понимают: если

твое имя всплывет, позора не оберешься.

У нас есть несколько относительно молодых учителей, с которыми можно было бы – так, с натяжкой – завести роман. Я постоянно замечаю, как парни пускают слюни, глядя на преподавателя экономики, доктора Мейерс: ей лет двадцать пять, она невысокая и у нее отличная фигура. Учитель математики, мистер Эндрюс, привлекает некоторых своей вампирской бледностью. И мистер Гарсия, безусловно, сексуален. Правда, он не в моем вкусе. Я на девяносто процентов уверена, что он гей, – во всяком случае, о Меркуцио¹ мистер Гарсия говорит с придыханием.

Но представить, чтобы один из них запал на кого-то из учащихся, трудно. Девчонки иногда строят глазки Эндрюсу или Гарсии, но те, если и замечают это, вида не подают. А доктор Мейерс в прошлом году отправила одного из парней на ковер к директору за то, что тот посмел ляпнуть: «Сегодня вы потрясающе сексапильны, док». Что ж, честь ей и хвала.

Через полчаса власти предержавшие выпускают нас из парилки актового зала. Мы выходим на улицу. Холодный ноябрьский воздух обжигает ноздри. Послеполуденное солнце спит. Я даже засомневалась, что собрание, на котором мы сейчас присутствовали, было на самом деле. Может, это была галлюцинация, вызванная жарой в зале. Мы с Джунипер спускаемся по холму к стоянке для одиннадцатиклассников.

¹ Меркуцио – один из главных персонажей трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

У подруги вид такой же обалделый, как и у меня.

– Девчонки, привет! – выводит нас из ступора чей-то голос.

Мы останавливаемся у самой парковки, в нескольких шагах от «мерседеса» Джунипер. К нам подбегает Клэр. Сегодня у нее тренировка по теннису, поэтому она собрала свои курчавые рыжие волосы в толстый хвост. Клэр пихает меня локтем:

– Мне было скучно без вас на собрании, леди.

– А я тебя высматривала, как и обещала, – отвечаю я, – но не увидела. В зал набилось не меньше тысячи человек.

– Что верно, то верно. – Клэр кашлянула. – Куда намылились?

Черт. Голос ее полнится надеждой – значит, я что-то упустила.

– М-м... – Я бросаю панический взгляд на Джунипер. – Да мы... э-э-э...

– Никуда, – говорит Джунипер. – Хотим оставить вещи в машине перед заседанием.

Точно. Самоуправление учащихся. Мы с Джунипер пообещали Клэр, что будем баллотироваться в президенты класса, так что два претендента в списке кандидатов у нее уже точно есть.

У меня с этим куча проблем, о которых я помалкиваю, поскольку Клэр одержима идеей выборов. И все же в борьбе за президентское кресло я буду выглядеть настоящим по-

смешищем на фоне Джунипер. Джуни может попросить всю школу прыгнуть с моста, и все только воскликнут: «Блестящая мысль! Как мы сами не додумались?!».

Джуни отпирает машину, мы бросаем сумки на заднее сиденье и втроем идем по траве. Впереди, в самом конце длинного зеленого газона высится, словно некий архитектурный франкенштейн, корпус, где учатся старшекласники. Два года назад восточное крыло отремонтировали, и теперь оно – три этажа зеркального стекла и листовой стали – сверкает на солнце. Западное крыло – кирпичное, облезлое, шестидесятилетнее – торчит как жалкий нарост.

К школе мы подходим в молчании. Открывая дверь в восточное крыло, я говорю:

– Веселенькое было собрание.

– Не то слово, – соглашается Клэр. – С ума сойти.

– Ой, не начинай, а? – Морщусь я. – Ты у нас белее, чем

Моби Дик.

Джунипер смеется. Клэр, покраснев, отбрасывает упавший на глаза рыжий завиток. Мы идем по длинному коридору, залитому послеполуденным солнцем. Свет отражается от шкафчиков, и они раздражают глаз сильнее, чем обычно: вверху – красные, внизу – зеленые. Цвета нашей школы. А также краски Рождества. Каждый год перед Рождеством кто-нибудь пририсовывает красный нос олененка Рудольфа львам на гербе школы.

– Нет, правда, – не унимается Клэр, толкая дверь, веду-

щую к лестнице, – когда они выяснят, кто спит с учителем...

– Понятное дело. – Я бегом поднимаюсь вслед за ней. – Конец этой истории мы узнаем лет через двенадцать.

Клэр с усмешкой смотрит на меня через плечо:

– Слушай, а это не ты?

Обидно – держу пари, полшколы думает, что это я, – но мне удается улыбнуться в ответ.

– Иди к черту.

– Ну хорошо, хорошо. – Она поднимает руки, показывая, что сдается. – Если честно, то это я. Я... и директор Тернер.

Джунипер у меня за спиной делает вид, что давится рвотой.

– Зачем, Клэр? – со стоном спрашиваю я. – Ты разбиваешь нам сердца.

Поднявшись на третий этаж, мы обходим толпы учеников, спешащих на занятия в разных кружках. Идем мимо кабинета информатики, где сидят за ноутбуками будущие программисты, мимо кабинета английского языка и литературы, где участники поэтического общества сидят в кругу с благоговейным выражением на лицах. Заходим в класс обществоведения. Там пусто.

– Прямо аншлаг, – иронизирую я.

– Три человека – это уже толпа, – возражает Клэр, посмотрев на часы. – Сегодня одни одиннадцатиклассники. А девчонка, что будет бороться за место секретаря, написала по электронке, что не сможет прийти. Однако есть еще парень,

который тоже намерен баллотироваться в президенты, так что...

У меня сжалось сердце. Если помимо нас с Джуни всего один кандидат, это значительно снижает мои шансы уклониться от борьбы за президентское кресло, не оскорбив Клэр. И, учитывая ее гиперактивное чувство ответственности, успокоится она не скоро.

– Что за парень? – спрашивает Джуни, усаживаясь на пустой учительский стул.

Мистер Гуннар, должно быть, сейчас помогает с уборкой актового зала. Там, наверно, человек десять дряхлый залитый потом пол.

Клэр расстегивает ранец. Порывшись в какой-то папке, она вытаскивает список кандидатов, где наверху стоит всего одно имя.

– Почерк у него ужасный, но, по-моему, Мэтт какой-то. Джексон, что ли?

– Я его знаю. – Джунипер приподнимает тонкую бровь. – Мы вместе делали одну работу по биологии. Точнее, я сама все сделала. У него самодисциплина хромает.

– Ой, подожди! – восклицаю я, вспомнив увальня, который вечно опаздывает на английский и от которого воняет марихуаной. – Высокий такой? Молчун? Острое лицо?

– Он самый, – подтверждает Джунипер.

– Да уж, – протянула я. – То что надо.

Клэр пытливо смотрит на меня:

– Что-то не так, Лив?

– Что? Да нет, все нормально, – пожимаю я плечами. – Просто... неплохо, конечно, оставить свой след в политической истории Канзаса, но я предпочла бы сойти с дистанции.

Клэр недовольно цокает языком, бросая на стол рюкзак.

– Да ну тебя. Не гони волну.

– Слушай, я же по-честному. Не знаю, как будет с Мэттом, но тебе любой скажет, что я Джунипер не соперница.

Мы обе смотрим на Джунипер. Та тактично помалкивает, крутясь на вращающемся стуле мистера Гуннара.

– Ну да, понимаю, у тебя дел по горло, – язвит Клэр.

– Это ты о чем?

– Ну как тебе сказать... Может, о твоём последнем завоевании? – Клэр приподнимает брови. – Дэн Силверстайн, кажется? О-о-очень любопытный выбор.

Я знаю, что она шутит, но я так устала оттого, что на меня тарасились целый день.

– О-о-очень смешно, – в тон ей отвечаю я. – Правда, не припомню, чтобы я говорила тебе о...

– Я же не со зла. Но вот скажи, до прошлой субботы ты вообще подозревала о его существовании?

– Клэр, отстань от меня. – Я пытаюсь не обижаться. – Может, ты прекратишь читать мне мораль каждый раз, когда я с кем-нибудь знакомлюсь? Я прекрасно знаю, что в глазах окружающих я – шлюха, распоследняя потаскуха с острова Шлюх, но ты-то ведь должна быть на моей стороне.

– Не шуми. Во-первых, я просто прикалываюсь. Во-вторых, ни о каких *сторонах* речь не идет. – Она хмурится. – Хотя, если честно, не понимаю, зачем ты спишь со всеми подряд.

– Я не обязана отчитываться перед всем белым светом, – парирую я, безуспешно стараясь говорить невозмутимо.

– Постой, постой. Ты хочешь сказать, что это не моего ума дело? – Клэр распахивает голубые глаза. Обведенные золотым контуром, они похожи на два оконца в золоченых рамках, в которых видно освещенное солнцем море. – По-твоему, мне плевать на тебя и на тво... – Она показывает на мой живот.

– На что еще? На мою интимную жизнь? Ну давай сходим вместе в аптеку. Поможешь мне купить контрацептивы? Что-то я не замечала, чтобы ты или кто-то другой спешил поделиться подробностями своих интимных отношений.

– Я не посягаю на твою интимную жизнь, Оливия. – Клэр подбоченилась. – Ну хорошо. Хочешь начистоту? Ты парней меняешь как перчатки, чем дальше, тем чаще, и меня начинает беспокоить твое душевное состояние.

Миллион ядовитых ответов вертится у меня на языке – Клэр не из тех, кому плачутся в жилетку, – но огрызнуться я не успеваю, потому что вмешивается Джунипер.

– Девчонки, – говорит она, вскакивая. В ее обычно спокойном тоне сейчас сквозит раздражение. – Вы хоть сами себя слышите? Я не требую, чтобы вы извинились, но у вас по-

лучается какой-то тупой разговор. – Она складывает на груди руки. – Помолчите десять секунд и подумайте.

Я замираю. Обычно Джуни спокойнее относится к нашей грызне.

Пристыженные, мы с Клэр переглядываемся. Конечно, зря мы втягиваем Джуни в свои разборки, ведь у нее своих забот выше крыши. Она изучает кучу предметов по университетской программе, да еще и на скрипке играет. В декабре у нее концерт, к которому она должна подготовить безумное количество произведений Паганини. Два раза в год мы с Клэр ездим вместе с родителями Джуни в Канзас-Сити на ее выступления она играет в одном из концертных залов Университета Миссури. В этом сезоне программа у Джуни адская, все соки из нее выжимает.

Я утыкаюсь взглядом в свои кроссовки и, рассматривая махрящиеся концы шнурков, считаю до десяти. Когда снова поднимаю глаза, выражение лица Клэр уже смягчилось.

– Прости, – извиняется она. – Я не хотела доводить до ссоры.

Я вздыхаю. Во мне все еще кипит гнев. С каждым разом мне все труднее мириться с нападками Клэр и отделяться смехом. Клэр никогда особо не придерживалась принципа «Пусть Оливия спит с кем хочет!», но она стала в миллион раз хуже с мая месяца, когда Лукас – парень, с которым она встречалась более года, – ни с того ни с сего бросил ее. Что было странно, поскольку Лукас по всем признакам – вроде

бы вполне порядочный человек. Но... в мире полно тайных сволочей. Кто бы мог подумать.

Клэр одна уже полгода и своими бесцеремонными замечаниями по поводу моих беспорядочных связей испытывает мое терпение, которое, видит бог, не беспредельно.

– Ты тоже прости, – с превеликим трудом выдавливаю я из себя. – У меня сегодня не самый хороший день.

– У меня тоже. – Проходит еще одна долгая секунда. Клэр стягивает с парты свой рюкзак. – Ладно. Некогда мне ждать этого парня. На занятия опоздаю. Потом напишу вам по электронке. – Она исподлобья бросает на меня настороженный взгляд. – Если ты...

Я вздыхаю, неохотно соглашаясь на компромисс:

– Я буду баллотироваться, если ты так настаиваешь.

– Спасибо.

Опустив голову, Клэр выходит из класса, как обычно, строевым шагом. Извиниться-то мы извинились, но наши отношения так и не наладились.

Джунипер, устало глядя на меня, садится на стол мистера Гуннара:

– Что между вами происходит в последнее время?

– Не знаю. Слушай, прости. Ты ведь не обязана нянчиться с нами.

– Да ладно, – пожимает она плечами. – Так что все-таки случилось?

– Ничего особенного. Просто... она вечно беспокоится, и

я к этому привыкла. По-другому она...

– Конечно, не может.

– Да, натура у нее такая. Но в последнее время... даже не знаю... она слишком насаждает, давит. Так и хочется ее послать: «Слушай, *отвали*, пожалуйста». Богом клянусь, порой она мнит себя моей матерью.

Последнее слово будто зависает в воздухе.

– Да уж. – Джунипер склоняет голову.

Ее белокурые волосы, снова распущенные, падают ей на лицо словно тонкие занавески, обрамляя глаза – две пронизывающие серые льдинки, – которые, как всегда, смотрят прямо в душу.

– Нет, правда. – Я складываю на груди руки и добавляю с негодованием: – Не хочу, чтобы Клэр заменяла мне кого-то. А она все никак не уймется.

– Ты ей это говорила?

– Нет. Она же изобразит изумление: *Кто? Я?* В общем, серьезного разговора не получится.

– Если хочешь, давай я с ней поговорю.

Я обдумываю ее предложение. Послать к Клэр Джунипер в качестве своего посредника? Это как-то по-детски.

– Не заморачивайся. Разберемся.

Джунипер задумчиво болтает ногами.

– Можно спросить?

– Валяй.

– Я не сомневаюсь в твоём здравомыслии, но мне любо-

пытно: почему ты постоянно меняешь парней и никак ни на ком не остановишься?

Я пожимаю плечами:

– Может, потому, что мое тело принадлежит мне и я хочу сама распоряжаться своей судьбой.

Джунипер удивлена.

– А если без феминизма?

– Понимаешь, – смущенно улыбаясь, отвечаю я, – я не ищу ничего серьезного. Вряд ли в школьные годы я встречу любовь всей своей жизни... Так почему бы не поразвлекаться? Никаких страстей, никаких обязательств. – Эти слова слишком быстро слетают с моего языка. Я трянула головой. – Ну что, идем?

Джуни не лезет в душу. Она сползает со стола и идет вслед за мной. Мы торопливо спускаемся по лестнице и, минуя шкафчики, выходим на улицу. Всю дорогу Джуни молчит, и меня это устраивает.

Я снова и снова прокручиваю в голове наш разговор. Я люблю секс, привыкла сама принимать решения, мне нравятся идеи феминизма. Но я сплю с парнями не только из-за этого. Я просто люблю лежать в обнимку с парнем, склонив голову ему на плечо. Не хочу обижать никого из своих партнеров, но от этого я обычно получаю больше удовольствия, чем от секса.

Я не хочу копаться в причинах своего пристрастия. Это ведь все равно что осуждать себя, а меня и так уже все кому

не лень обвиняют в «проституции», как многие «мягко» выражаются, и я не собираюсь показывать, что согласна с ними.

Мы идем по газону. На улице холодно, и я крепко обнимаю себя, чтобы хоть немного согреться. Пытаюсь забыть обиду на Клэр и отделаться от воспоминаний о маме. Зря я упомянула о ней в разговоре с Джунипер. Теперь она занимает мои мысли, никак не выходит из головы.

В это время года я всегда скучаю по маме. Сейчас, когда началась череда осенне-зимних праздников – Хэллоуин, День благодарения, Рождество, – я особенно усердно стараюсь не думать о ней. И на это уходит больше сил, чем обычно. Порой я даю волю воспоминаниям, сдуваю с них пыль, и они оживают. Я до сих пор вижу словно наяву, как мама изящными руками выгребает в миску тыквенные семечки. «Тыквенное нутро. У-у-уф, – вздыхает она. – Катрина, Оливия, юные смертные, помогите мне выпотрошить тыкву».

Теперь на праздники мы дом не украшаем. Папа ничего об этом не говорит, но мне кажется, без символов праздника ему спокойнее. И Кэт тоже молчит – правда, Кэт всегда молчит.

Джунипер отпирает автомобиль. Я усаживаюсь в пассажирское кресло, отодвигаю его, чтобы вытянуть ноги.

Джунипер давит на кнопку. Мотор урчит.

– Кэт-то домой не нужно подбросить?

– Нет, у нее сегодня драмкружок, – отвечаю я. – Ее кто-нибудь подвезет.

Моя сестра-двойняшка, должно быть, занимала «талантливую» часть материнского чрева. Хотя у меня развился талант сидеть в зале и аплодировать.

Машина трогается с места.

– О, наш соперник. – Джуни кивает в ту сторону парковки, где на крыше черного «камри» развалился высокий парень. – Вон там.

Я резко выпрямляюсь, чуть не ударившись головой о потолок. Узнаю Мэтта Джексона. Лежа на спине, он что-то пишет в своем телефоне. Прежде я никогда не приглядывалась к нему. У него заостренные черты лица, чем-то напоминающего лисью морду; рыжеватые волосы на кончиках выкрашены в огненно-красный цвет.

Автомобиль Джунипер подпрыгивает на «лежачем полицейском». Мэтт Джексон смотрит на нас с крыши своей машины. Я отворачиваюсь, но недостаточно быстро.

– Черт-черт-черт, – ругаюсь я. – Он смотрит прямо на меня. Заметил, как я на него пялилась.

– Не волнуйся, – успокаивает меня Джунипер. – Он ни за что не догадается, что мы готовим ему политическую смерть. – Она злобно хохочет.

– Ну да, – улыбаюсь я, – я всегда знала, что в тебе есть черты Джона Уилкса Бута².

– Джун Уилкс Бут, – поправляет она меня.

² Джон Уилкс Бут (1838–1865) – амер. актер, убийца президента США Авраама Линкольна.

Со стоном я откидываюсь в кресле. Джунипер, довольная собой, включает радио. Акустическая система зажуужжала, и из динамиков полилась мелодия одного из каприсов Паганини.левой рукой с коротко подстриженными ногтями Джуни отстукивает ритм по рулевому колесу.

Когда мы выехали с парковки, неприятности этого дня отступили, остались в школе, так же как и коридоры с вощеными полами, обезображенные туалетные кабинки и ученики, которые считают, что вправе судить меня.

КЭТ СКОТТ

За кулисами занавес пахнет пылью. Здесь легко забыться, утонув в темноте.

В глубине сцены перешептываются девушки, играющие моих дочерей. Их шепот привлекает мое внимание.

Сосредоточься, Кэт.

Я убираю за уши волосы, внимая каждому слову, что звучит на сцене. Эмили произносит монолог – рассуждает о своем месте в жизни.

Сосредоточься...

Шепот снова режет ухо, на этот раз сильнее. От гнева у меня чешутся ладони. Остальные тоже должны следить за действием, чтобы не пропустить свои реплики. Почему все относятся к постановке спустя рукава?

– ...и я устала ждать, – говорит Эмили.

Мой выход.

Я появляюсь на сцене и полностью перевоплощаюсь.

Здесь, в слепящем свете, я слой за слоем снимаю с себя свое «я», как рыцарь – доспехи. Действую решительно, с желанием, с драйвом. Кэт Скотт теперь никто. Она исчезла. Если она и существовала, мне нет до нее никакого дела.

– Ты устала ждать? – восклицаю я.

Девушка напротив отступает на полшага. Она – не Эмили, уже нет. Теперь, когда я стою перед ней, она – Наталья

Баженова: учитель математики, давшая моей героине обещание много лет назад. Она клялась, что увезет меня из захолустного русского городка, в котором я жила, определит в престижную школу и выпестует мой талант к математике. Между первым и вторым актами прошло много лет; мне уже тридцать семь лет. Я долго ждала, когда она спасет меня от моей убогой жизни, но все напрасно. Она забыла меня. А теперь вот посмела вернуться.

– Ты устала ждать, – повторяю я. – Ты, Наталья, бросившая меня в этом городишке? – Продираясь сквозь дебри сомнительного перевода, я подступаю к ней, сверлю ее взглядом. – Посмотри на меня. Посмотри, в кого я превратилась.

– Я смотрю на тебя, – отвечает она.

– Внимательнее смотри.

– Я вижу любящую мать, заботливую сестру. Я вижу...

– Ты ничего не видишь, – шепчу я. – Я теперь ничто. Неиспользованный потенциал. Пустое место!

Мой голос разносится по залу, докатываясь до последних рядов, а в ответ бумерангом рикошетит тишина. Мертвая, прекрасная тишина.

Теперь я говорю медленнее, смакуя горечь каждого слова:

– Я думала, ты станешь моим учителем. Ты говорила, что у меня блестящий ум, необыкновенные способности. Я думала, ты увезешь меня, научишь всему, но ты сбежала при первой же возможности. А теперь возвращаешься и заявляешь, что устала ждать? – Мой голос твердеет. – Ты – лице-

мерка.

– Прости, Фаина, – отвечает она.

Я знаю, что сейчас режиссер нас остановит.

– Стоп, – кричит с первого ряда мистер Гарсия.

Я выхожу из образа и, сгорбившись, опускаюсь на кухонный стул. Каждый мускул моего тела расслабляется.

Напряженная атмосфера драмы рассеивается, мне становится легче. Боже, русские – несчастные люди. Мы ставим пьесу под названием «Скрытое». Ее написал некий Григорий Веселовский на рубеже прошлого и нынешнего столетий. В конце произведения ни один из его героев не обретает счастья. Этот Григорий, наверное, какой-то садист.

Мистер Гарсия взбирается на сцену. Миссис Стилуотер, ведущей драмкружка, приходится заниматься организацией какой-то региональной конференции, поэтому осенний спектакль ставит Гарсия. Вообще-то он преподает английский и литературу, а не актерское мастерство, но мистер Гарсия знает, что делает.

Правда, ему, как я слышала, за это не платят. Безобразие, конечно, но я не жалуясь. Иначе не было бы осенней постановки, а зачастую только репетиции и заставляют меня подниматься с постели.

Гарсия подбегает к моей партнерше:

– Эмили, понапористей, пожалуйста. Выразительнее демонстрируй свой страх. И сместись чуть вправо, а то мы теряем ту часть зрителей.

А теперь проблема звучания...

– И еще. Мне неприятно об этом говорить, но мы по-прежнему плохо слышим твои слова.

– Простите, – лепечет Эмили, она вот-вот расплачется.

Я поджимаю губы. Да уж, Эмили есть за что извиняться. Гарсия раз сто говорил ей об этом. Спектакль меньше чем через три недели, прямо перед каникулами по случаю Дня благодарения, и я уже побаиваюсь, что она попросту завалит свою роль.

– Не переживай, – успокаивает ее Гарсия. – Слышишь, Эмили? Не расстраивайся. Попозже займемся с тобой голосо-речевым тренингом, хорошо? – Он жестом подбадривает ее: не вешай нос! – Главное – доверять своему голосу. А в тебе уверенность есть.

Боже, до чего терпелив Гарсия! Я бы уже вся изоралась на половину состава, а он за пять недель репетиций ни разу не повысил голос.

Эмили кивает. У нее мышиного цвета волосы, которые вечно падают ей на глаза.

– Да, и вот еще что, – добавляет Гарсия, записывая что-то в блокноте, который он всегда таскает с собой. – Ты бы убирала назад волосы. А то у тебя вечно закрыт правый глаз.

Я вздыхаю, откидываясь на спинку стула. Это замечание он тоже ей делал. Не понимаю, почему нельзя следовать простейшим указаниям. Порой мне кажется, что только мы с Гарсией полностью выкладываемся.

Нет, я не считаю себя самой талантливой в группе – остальные тоже все хороши, каждый по-своему. Но... даже не знаю. Такое впечатление, что им не нужна сцена, что они не испытывают потребности заполнить пространство эхом своих голосов и энергией слов.

– Кэт!

– Что? – Я поднимаю глаза.

Ко мне подходит Гарсия:

– Ты играешь великолепно. Но, по-моему, в этой сцене ты кое-что упускаешь. – Он кладет блокнот на стол. – Какую цель преследует твоя героиня в этой сцене? Чего она добивается от персонажа Эмили?

Это я осмыслила еще в сентябре, когда штудировала сценарий, и потому отвечаю без колебаний:

– Она хочет, чтобы Наталья извинилась.

Гарсия ерошит волосы. Взлохмаченный, в очках с толстой оправой, с щетиной, он похож на студента, которого мучает похмелье. В нашей школе Гарсия работает первый год, но он всегда невозмутим, на дом задает мало, в общем, по меркам многих, вполне сносный препод.

– Да, – соглашается Гарсия, – мотив извинения присутствует. Но не только. А что еще, по-твоему?

Я морщу лоб:

– Я абсолютно уверена, что суть в этом. Наталья разрушила жизнь моей героини, значит...

В глубине сцены раздается взрыв смеха. Раздражение,

тлевшее во мне, вспыхнуло в груди ярким пламенем.

– Заткнулись бы вы там, а? – рявкаю я, резко поворачиваясь на стуле.

Смех мгновенно стихает.

В глазах Гарсии блеснуло удивление.

– Вообще-то, ты могла бы предоставить это мне. Хочешь – верь, хочешь – нет, но я тоже способен сказать: «Тишина за кулисами».

– Простите, – бормочу я.

– Не извиняйся. Просто не делай из этого привычки. – Гарсия смотрит на часы. – Ах, черт. Ладно. – Он быстро идет к краю сцены, прыгивает и снова занимает свое место в первом ряду. – Итак, давайте отработаем еще один момент, пока не стукнуло пять. Сразу переходим к последней сцене.

Эмили, не до конца выучившая свою роль, бежит за сценарием. Поскольку в наличии у нас еще не весь реквизит, я пишу на воображаемой классной доске посреди сцены.

– Итак, – произносит Гарсия, когда Эмили бегом возвращается на место. – Концовка шестой сцены. Начинаем с фразы «Ну, что скажешь?». Как только будешь готова, Эмили.

Минута молчания. Потом Наталья Баженова обращается ко мне:

– Ну, что скажешь?

Я смотрю в пустоту, туда, где мои пальцы бегают по представляемой доске. Изучаю воображаемое равенство.

– Красиво, – отвечаю я. – Красивое равенство.

– Теперь понимаешь, почему мне пришлось уехать и возобновить исследование?

– Нет, не понимаю. Но равенство красивое.

Воображаемый мел выскальзывает из моих пальцев. Я оборачиваюсь. Щурюсь: сценический свет поставят не раньше, чем через две недели, поэтому лампы слепят.

Наталья подходит ко мне.

– Хочешь, покажу остальное? – спрашивает она.

Предложение настолько заманчиво, что у меня аж во рту пересохло.

– Я могла бы попробовать найти выход, – продолжает она. – Могла бы по возвращении переговорить с другими преподавателями о том, чтобы тебя взяли в университет. Могла бы...

– Мама! – окликают меня. Я поворачиваюсь. На сцене появляется девушка, играющая мою дочь. – Я все сделала, – докладывает она. – Ужин готов. И... мы все ждем тебя дома.

Я внимательно смотрю на свою «дочь»: в ярком сценическом освещении лицо у нее неестественно белое.

– Спасибо, родная, – машинально отвечаю я. Снова перевожу взгляд на Наталью. – Нет, – отказываюсь я. – Я не могу с тобой поехать.

– Но...

– Я не поеду, – обреченно повторяю я. Помедлив, иду за «дочерью». Наталья смотрит мне вслед.

– Занавес, – кричит Гарсия. – Великолепно. Всем спасибо.

Мы устроились на краю сцены. Остальные ребята болтают и шутят. Парень, играющий моего мужа, флиртует с Эмили, но та, похоже, об этом не догадывается. Я сижу в стороне, как можно дальше от девчонок, на которых накричала. Конечно, зря вспылила – я знаю, что призывать к порядку должен был Гарсия, но меня бесят те, кому не хватает элементарного такта соблюдать тишину на репетиции.

Гарсия просматривает записи, сделанные сегодня на репетиции.

– Кэт, – наконец говорит он, – что, по-твоему, означает концовка?

Все смотрят на меня, ослепляя, как прожекторы. Я пожимаю плечами и, ни на кого не глядя, отвечаю:

– Я проиграла. Моя героиня терпит поражение. Она пятнадцать лет сидела дома и ждала свою учительницу, а когда та приезжает – она уже растит ребенка, так что... Ей приходится отказаться от мечты. Она проиграла.

– Я так и знал, что ты так ответишь, – Гарсия что-то быстро записывает в своем блокноте. – И все-таки подумай еще. И про извинение в предыдущей сцене – тоже. Хорошо?

Я киваю, вполне довольная тем, что для меня в кои-то веки нашлись замечания. Обычно Гарсия много времени уделяет движению актеров на сцене и до характеристики героев дело не доходит.

Тем не менее его вопросы ставят меня в тупик. Что еще, кроме извинения, хочу я услышать от персонажа Эмили спу-

стя полтора десятка лет? И, разумеется, пьеса заканчивается поражением моей героини. Ее мечта разбилась вдребезги, и ей приходится довольствоваться той жизнью, какой она никогда не хотела для себя.

Гарсия убирает блокнот к себе в портфель.

– Кэт, спасибо, что уже играешь без бумажки. Остальные, будьте добры, выучите к четвергу последние несколько сцен. Молодцы, хорошо поработали.

Я спрыгиваю со сцены, желая первой выскочить в боковую дверь. Бегу вниз по травянистому склону. Щурюсь, потому что в глаза мне бьют предзакатные лучи. Никак не привыкну, что солнце садится так рано. Часы переведены на зимнее время: теперь дневного света совсем мало. Хотя, может, это потому, что мы так долго торчим в школе.

Прохожу мимо пустого «мерседеса» Джунипер Киплинг – сияющего чужака среди обшарпанных джипов и грязных пикапов. Странно. Я думала, Джунипер повезла мою сестру домой.

На тротуаре я сую руки глубоко в карманы, настраиваясь на долгий путь пешком. До дома идти недалеко, километра три, но сейчас холодает с каждым днем. Скоро придется просить кого-нибудь, чтобы после репетиции меня подвозили. Как представляю, что нужно о чем-то болтать в машине, тоска берет.

Просто, с кем бы я ни говорила – неважно, на какую тему, – всегда выставляю себя полной дурой. Лучше б остави-

ли меня все в покое – ради своего блага и моего. Стоит кому-то нарушить мое уединение, и меня охватывает паника, паника, паника. Я перестаю соображать, голова наполняется белым шумом, в мозгу происходит короткое замыкание. И с языка слетает одна лишь злая бредятина.

Куда легче жить по сценарию.

Мэтт Джексон

Прошел час, а я все еще, лежа на спине, думаю о ней, ее взгляде; вспоминаю, как она обратила на меня внимание.

Она посмотрела на меня. Эта мысль крутится, вращается, вертится в моей голове, словно вечный двигатель или галактика; мне самому это кажется невероятным, потому что я под кайфом.

Когда ты в состоянии наркотического опьянения, взгляды окружающих обычно не задевают, потому что – если только это не дрянной кайф и тебя не мучает паранойя – тех, кто на тебя пялится, ты воспринимаешь как жителей другой планеты, и это клево. Но даже не будь я под кайфом, взгляд Оливии Скотт меня все равно бы взволновал. На английском я сижу за ней через три ряда и весь урок тарашусь на ее затылок, любуюсь ее густыми, прямыми, гладкими, как шелк, волосами, – непонятно, как ей удастся добиться такого эффекта. Она очень остроумная, а улыбка у нее такая лучезарная, что я вздрагиваю каждый раз, будто меня током ударило. Оливия Скотт великолепна.

Меня возбуждает ее звонкий смех, сексуальное тело, уверенные движения и сияющие голубые глаза. Интересно, почему она замечает только придурков вроде Дэна Силверстайна. Потом я осознаю, что, если бы она каким-то чудом обратила внимание на меня, я был бы очень смущен и не знал, как

себя вести, ведь у нас нет общих друзей. Я даже не уверен в том, что мы с ней поладили бы. Кажется, Оливия из разряда тех полуботаников, которым вроде и плевать на школу, но учатся они хорошо. Непонятно, как такое может быть. То есть если ты не намерен слишком усердствовать, так хотя бы возьми на себя труд не усердствовать совсем, или я не прав?

Впрочем, откуда мне знать? Мы ведь с ней даже ни разу словом не перекинулись. Может, она совсем не такая, какой кажется.

И все же Оливия смотрела на меня, и я не в силах об этом не думать.

Я беру с крыши машины косяк, затягиваюсь, пускаю дым, облизываю кончик, катаю его на языке, зажимаю зубами. Негигиенично, конечно, тащить в рот то, что валялось черт-те где, но я позволял себе и не такое, и Берк, я знаю – тоже. Однажды он подобрал бычок с тротуара и закурил просто ради забавы, и не заболел, хотя я потом неделю твердил, что у него будет оральный герпес или еще какая зараза пристанет. Правда, у Берка крепкое здоровье.

Часы показывают пять. Из актового зала на холм хлынул поток чудиков, занимающихся в драмкружке. Одиночными струйками они растекаются по своим разбросанным тут и там машинам и уезжают.

Затягиваясь, я смотрю на облака. Окрашенные розовым, освещенные лучами закатного солнца, они стелются по небу воздушным шлейфом, чем-то напоминая пушистые сгустки

ваты или кремовый зефир. С ума сойти, до чего они огромные, и еще более поразительно, что эти колоссы изменчивы; они никогда не будут такими, как сейчас. Едва они отяжелеют и изольются дождем, то тут же исчезнут, будто никогда и не плыли в вышине над моей головой. День уже почти прожит. Этот час идет, идет и уходит.

Я закрываю глаза, изгоняю из головы все мысли. На их месте появляются другие, как легкое дуновение ветерка, как перезвон колокольчиков. Вокруг меня вихрем кружат минуты; секунды угасающего солнца щиплют, кусают, колют, щекочут кожу. Боже, когда я в последний раз так классно тащился?

– *Hola*³, Матео, – раздается знакомый голос, нарушая мою нирвану.

– *No hablo*⁴ по-испански, – бурчу я, не разжимая век.

– Ну да, конечно, мистер Полумексиканец, – усмехается говорящий.

А я отвечаю:

– Ой, да ну тебя. Я на шестьсот процентов американец.

За такие слова мама бы меня убила, потому что это – Оскорбление Моего Культурного Наследия.

Я искоса поглядываю на Берка. В зареве заката да еще потому, что я смотрю на него, склонив голову, он похож на существо из фильмов ужасов: в носу, ухе и брови сверкает

³ *Hola* (исп.) – Привет.

⁴ *No hablo* (исп.) – Я не говорю...

пирсинг; левую руку обвивает черно-фиолетовая татуировка, похожая на зияющую рану; а обесцвеченные волосы – благодаря гелю – стоят иглами.

– Привет, чувак, – говорю я, и Берк взбирается на багажник моей машины, а оттуда ко мне на крышу.

– Куришь, что ли, здесь? – кряхтит он.

– Да. Больше делать нечего. А ты? – спрашиваю я.

– Читал. Ждал, пока одна из моих скульптур остынет.

Он машет книгой. Если Берк не варит металлические скульптуры из выброшенных автомобильных колпаков и стальной арматуры, он читает, о чем народ даже не догадывается, потому что выглядит Берк как завзятый гангстер. На деле он – самый образованный человек в нашей школе, – не считая Валентина Симмонса, потому что об этом претенциозном козле я даже думать не хочу, – но об этом никто не знает, так как Берк умело скрывает свой блестящий интеллект.

Порой я готов поклясться, что Берк – пришелец с другой планеты. Он вполне нормальный парень, только вот, кроме меня, с ним никто не общается: не могут воспринимать его всерьез из-за внешности. Причем дело не только в татуировках, пирсинге и волосах, которые он каждую неделю красит в новый цвет, а еще и в нарядах. В лучшем случае они кажутся эксцентричными, в худшем – позорными. В прошлую пятницу, например, Берк явился в школу в обтягивающих неоново-желтых джинсах и ботинках на платформе. Сегодня

на нем зеленый плотный пиджак до бедер, джегинсы и килт, и выглядит он так, будто господь на него наблевал.

Берк и макияж себе делает. Но не в стиле типичного эмо. На прошлой или позапрошлой неделе красил губы ярко-синей помадой, позавчера щеголял оранжевыми тенями. Сегодня лицо у него чистое, а вот в девятом классе он малевался каждый божий день. Его новый образ возник неожиданно, сразу, как только Берк окончил восьмой класс. Я тогда думал, что это, может быть, какой-то перформанс, в котором я не участвую. Теперь я уже настолько привык к его закидонам, что почти не замечаю жирные стрелки на веках и лиловые брови.

Поначалу я опасался, что Берка просто избыют, но оказалось, что народ боится злословить о нем, ведь он под два метра ростом, здоров как бык, а порой, если еще и одет бог знает во что, кажется, будто он вот-вот вытащит нож и пырнет тебя. А будь он телосложением как я, его бы так засмеяли, что он без оглядки бежал бы из Канзаса.

Я беру его книгу, щурясь, читаю название: «Веселая наука»⁵. Написана каким-то иностранцем, чья фамилия звучит как чих. Как можно для удовольствия читать такой бред?!

– Что? – Берк пристально смотрит на меня.

– Да ничего. Читай на здоровье.

Я бросаю книгу в его рюкзак и передаю ему косячок. Он

⁵ «Веселая наука» (Die fröhliche Wissenschaft) – произведение Ф. Ницше, написанное в 1882 г.

затягивается.

– Дэн с Оливией Скотт замутил, – говорю я.

– Да, я слышал, как он болтал об этом. Видать, она хороша.

Я устремляю взгляд в небо. А Берк:

– Что?

– Я вроде ничего не сказал.

– Зато молчишь не как обычно.

– Заткнись.

– Значит, я прав, – заключает Берк.

– Ладно, – пожимаю я плечами. – Оливия сногшибательна, а Дэн – дерьмо, но занимается с ней сексом. Это все, что я хотел сказать.

– Слушай, ну и зачем поносить Дэна? Да, тебе завидно, но это не значит...

– Чувак, – хмыкаю я, – я при всем желании не смог бы завидовать Дэну.

И в этом я, по крайней мере, не лгу, потому что трудно описать это тоскливое пугало. Он утратил всякую индивидуальность, у него один секс на уме. Вот смотришь на человека и наперед видишь каждую секунду его никчемной жизни, и это жутко удручает, потому что такие люди обречены на ничегонеделание, и продлится оно еще с десятков лет после их смерти. И, естественно, возникает вопрос: какого черта ты окопался в нашем предместье, прожигаешь жизнь в неге и довольстве, когда на свете полно обездоленных ребят, и лю-

бой из них на твоём месте мог бы принести гораздо больше пользы обществу? Таким теперь стал Дэн. Обидно, что он превратился в чмо, ведь раньше он был совсем другим.

В средней школе Дэн, Берк и я были не разлей вода. Тогдашний Дэн любил дабстеп⁶, «Марио Карт»⁷ и ночные прогулки, когда мы втроем болтали на любые темы: от пришельцев до смысла жизни. Но как только мы пошли в девятый класс, Дэн изменился. Перестал общаться с нами, нашёл новых друзей, и теперь, если мы случайно сталкиваемся в школьных коридорах, он даже не кивает. Мы с Берком стараемся не принимать это на свой счёт, но вообще-то обидно, когда друзья от тебя отворачиваются.

Берк, тронув меня за плечо, возвращает косячок. Я делаю длинную затяжку, слишком длинную, так что глаза начинают слезиться, и тоже сажусь.

– Так почему ты злишься на Дэна? – спрашивает Берк.

Я вздыхаю: сам бы уже давно должен был догадаться.

– Потому что я уже давно сохну по Оливии Скотт, – отвечаю я.

– Так ты же с ней даже не общаешься, – замечает Берк.

– Да, но... – Я беспомощно умолкаю, судорожно пытаюсь найти оправдание своему гневу, но вскоре отчаиваюсь и бур-

⁶ Дабстеп (dubstep) – жанр урбанистической электронной музыки, возникший в Лондоне в начале 2000-х гг.

⁷ «Марио Карт» (Mario Kart) – серия видеоигр, разработанных и изданных японской компанией Nintendo. Впервые появилась в 1992 г.

чу: – Забудь.

Мимо идут краснолицые и потные после тренировки теннисисты, велогонщицы, игроки в лакросс, футболисты...

– На этой неделе у Дэна вечеринка, – наконец произносит Берк. – Если хочешь увидеть Оливию, почему бы тебе не сходить, а? Может, она будет там.

Я издаю недовольный стон. Скорее уж я цианистый калий проглочу, чем появлюсь на дне рождения сестры Дэна. Печально, что все, кого я знаю, до того скованны, что им нужно оправдание типа «блин, я совсем в стельку», дабы вести себя так, как им хочется.

– Спасибо, старик, обойдусь, – отказываюсь я. – Тем более что она все равно со мной не стала бы разговаривать.

– Братан, да что ж ты все сопли жуешь?! – ругается Берк. «Жевать сопли» – его типичная фраза. Огрызнуться я не успеваю – раздается чей-то громкий голос:

– Эй, ты Мэтт? Мэтт Джексон?

Я поворачиваюсь. Возле моей машины остановились две девчонки из школьной команды по теннису. По имени я знаю только одну – ту, что обращается ко мне. Ее зовут Клэр Ломбарди. Веснушек у нее столько, что хватило бы на четверых, и еще она вечно носит эти одинаковые футболки с надписью «Найк», проходящей прямо по ее огромной груди. Клэр в школе фигура заметная, потому что посещает все, какие есть, кружки и занимается общественной работой: она член дискуссионной группы, клуба французского языка и обще-

ства юных экологов, участвует в викторинах, входит в состав комитета по самоуправлению учащихся... и так далее, и тому подобное.

Клэр подходит к машине и убирает с лица рыжие выющиеся волосы. Меня удивляет, что она знает, как меня зовут, ведь я сроду с ней не общался и вообще стараюсь быть тише воды, ниже травы.

– Да, – отвечаю я. – Привет.

– Мы тебя сегодня так и не дождались. Информацию пришлю позже по электронке.

– Что? – удивляюсь я, бросив взгляд на Берка. – Где не дождались?

– На собрании комитета по самоуправлению. Кандидатов всего три, так что шансы у тебя хорошие.

– У меня... шансы?..

– Давай на следующей неделе уже начинай свою кампанию. Желательно, чтобы за место президента поборолись. Хотя бы для видимости.

– М-м, – мычу я, стараясь скрыть смятение.

– Если интересно, твои соперники – Джунипер Киплинг и Оливия Скотт, – добавляет она.

– Но я...

А потом одна из подруг Клэр подпихивает ее локтем. Клэр смотрит на кого-то в другом конце парковки.

– Мне пора. Пока, – говорит она и уходит.

А я сижу и недоумеваю: что, черт возьми, это было?

Бросаю взгляд через плечо, желая понять, кто ее спугнул. Это парни из команды пловцов. Гадаю, чем они не угодили Клэр, но потом замечаю Лукаса Маккалума, который радостно машет мне из толпы, и вспоминаю, что минувшей весной он расстался с Клэр, причем не самым красивым образом, и это до сих пор обсуждают все кому не лень.

Лукас подбегает к нам, отбрасывая свои волнистые волосы. На лице у него, как обычно, широкая улыбка.

– Привет, Берк! Здорово, Мэтт! Как дела, парни?

Я лишь киваю в ответ, мимоходом задумавшись: неужели у него никогда не устают щеки? Если превратить полуторамесячного щенка в человека, вот вам и портрет Лукаса. Он неизменно брызжет жизнерадостностью, и меня не покидает гнетущее подозрение, что, по его мнению, раз он продает нам травку, значит, мы с ним друзья. Хотя логики я не вижу в этом никакой: Лукас полшколы снабжает марихуаной и дешевым пивом. Наверно, он просто хронический жизнелюб.

Лукас убегает с остальными пловцами, оставив нас с Берком в покое.

– Старик, я понятия не имею, что за пургу гнала Клэр, – говорю я, глядя на Берка. – Я ни на что такое не подписывался.

Повисает молчание. Уголок рта Берка дергается. И тут меня осеняет.

– Ах ты скотина! – возмущаюсь я. – Твоих рук дело. Это ты выставил мою кандидатуру.

– Кто? Я? – смеется Берк. – Нет, что ты. Но я с удовольствием послушаю твои предвыборные обещания.

Я двинул его в плечо:

– Я тебя убью.

– Да ладно тебе. Весело же будет.

Я сдуваю с глаз волосы и бросаю на него зверский взгляд, самый зверский, какой могу изобразить, хотя долго я никогда не злюсь: не склонен вынашивать обиды. На его счастье. Берк нет-нет да и подложит мне свинью: то затащит меня в какой-нибудь кружок, то подпишет на какую-нибудь информационную рассылку. Вот такая ерунда. На прошлой неделе, например, включил мой электронный адрес в список получателей национального бюллетеня о производстве часов. Одному богу известно, зачем ему это надо.

Я ложусь на спину. Небо темнеет. Рядом с машиной на асфальте пузырится мокрый зажеванный кончик нашего косячка, от которого поднимается и улетучивается горьковато-сладкий запах.

– Как думаешь, кто это может быть? – спрашивает Берк.

– Ты вообще про что?

– Ты разве не был на собрании?

Я захожусь смехом, перерастающим в приступ кашля, и, брызжа слюной, выдавливаю:

– Ты это серьезно?

– Кто-то из учителей спит с кем-то из школьников. Кто с кем – пока еще не выяснили.

Глядя на него озадаченно, я спрашиваю:

– По-твоему, меня это должно волновать?

– Бред какой-то, да?

– Ничего не бред. Бывает сплошь и рядом.

– Тебя вообще хоть чем-то можно пронять, а, братан? –

вздыхает Берк.

– Слушай, отвали, а? – обижаюсь я. – Не всем дано быть сознательными гражданами и читать хренову «Веселую науку» ради удовольствия.

Берк пожимает плечами, поправляя килт:

– При чем тут чтение, старик? Я говорю вообще. Я скучаю по тем временам, когда у нас кроме курения была масса других общих интересов.

Я хочу возразить, но снова не могу найти достойного ответа.

Молчание меня напрягает. Чего Берк добивается – чтобы я извинился?

Не зная, что еще делать, я достаю свой телефон. На экране высвечивается пропущенный звонок от мамы.

– Домой мне пора, – говорю я.

– Да, холодает, – соглашается друг.

Так-то оно так, только я даже в мороз готов торчать у школы, лишь бы не идти домой. Вечером здесь тихо и спокойно. Да и с Берком мне приятно тусоваться: он всегда о чем-то думает, читает или что-то мастерит. Скверно, конечно, что я живу интересами своего друга, но мое собственное суще-

ствование – сон, питание и уклонение от ответственности – в сравнении с его выглядит жалким прозябанием. Хотя я ему об этом никогда не скажу.

Звонит мой телефон.

– Алло? – отвечаю я.

– ¿Dónde estás?⁸ – рявкает голос в трубке.

Вздыхая, я закатываю глаза:

– Сейчас буду, мама. Успокойся, пожалуйста.

Она бросает трубку. Мило.

– Как же она меня достала, – ворчу я.

– Бывают мамы и похуже, – резонно замечает Берк.

Я сверлю друга сердитым взглядом, потому что своей рас- судительностью он пробуждает во мне чувство вины: мне стыдно, что я весь такой разнесчастный, а пользы от этого никакой, даже в самые лучшие времена.

– Пока, братан.

Берк скатывается с моей машины, застегивает пиджак на все пуговицы, двойной петлей наматывает шарф на бычью шею и идет к своему джипу.

Я слезаю с крыши автомобиля. Я еще только сажусь за руль, а Берка уже и след простыл. Собираюсь еще покурить, чтобы успокоиться, но потом мое внимание отвлекает Джунипер Киплинг, спешащая к своему «мерседесу» – единственному автомобилю на парковке, не считая моего.

Она садится в машину и плачет. Я сбит с толку: уж у нее-

⁸ ¿Dónde estás? (исп.) – Ты где?

то какие проблемы? Да и, потом, что это она разревелась здесь? До дома, что ль, потерпеть не могла?

Трогаясь с места, я ругаю себя за эти мысли. Подумаешь, поплакала на парковке. В конце концов, здесь сейчас никого, а от грусти никто не застрахован. Возможно, во мне просто говорит злость, ведь перед такими людьми, как Джунипер, открыты все дороги, ведущие к успеху. Она поступит в Йель, или в Гарвард, или еще в какой престижный вуз – отчасти потому, что она одаренный музыкант и вообще чертовски умна; отчасти потому, что ее родители непристойно богаты. А что я? Даже если и попаду в университет, родители за мою учебу платить не будут. Как только я уеду из дома – получать высшее образование или еще куда, – они наверняка сразу же и разойдутся. Вчера вечером они собачились допоздна, и мне пришлось попросить их умолкнуть – ради Расселла. Кто встанет на защиту моего младшего брата, когда меня не будет рядом?

Через прозрачный люк в крыше машины я смотрю на сумеречное небо. Терпеть не могу злиться или расстраиваться. Из-за родителей. Из-за чего бы то ни было. Мне всегда кажется, что это противно и вообще не имеет смысла. *Ну что ты разнылся, как типичный подросток?* – презрительно шепчет мне внутренний голос. *Будь хоть чуточку пооригинальнее, кретин.*

И я неторопливо еду домой.

Джунипер Киплинг

Наконец-то.

Осталась только моя машина.

Я – остров.

Я возвратилась сюда,
притянутая некой непреодолимой силой гравитации,
но слишком сильно ударилась о землю.

Ноги подкосились,
и я упала ниц.

*Хватит плакать. Люди кругом.
Крепче возьмись за руль и
вперед. Ни о чем не думай. Вперед.*

Я дома, говорю я.

Не объявляю, а возражаю сама себе –
потому что это место больше мне не дом.

В ответ слышу только шепот часов с кукушкой:
тик-так, *ку-ку*, безумие.

Безумие – потому что я слышу ноты в тишине,
мягкие баритоновые ноты,
и, как бы быстро я ни играла,
как бы ни растягивала пальцы,

как бы чисто ни резонировало вибрато,
я не в силах заглушить запомнившийся звук.

Смычок дрожит в моей правой руке,
и под левой пиццикато срывается.

Начни сначала. Еще раз. И еще раз.

Те двое, как ни стараются, узнать ничего не могут.

Те двое... они никогда не догадаются.

Каждый божий день я сижу, словно каменная, за плитой
из полированной сосны – спина прямая/нога на ногу/локти
ниже стола/глаза опущены, –

уклоняясь от вопросов и прячась от теплых голосов.

С теми двумя я уже многие месяцы не могу быть правди-
вой –

многие месяцы я вообще не могу слова произнести без
страха, что у меня вот-вот одеревенеет язык.

А они все так же называют наш дом родным домом.

Но я лишена своего дома. Я – жидкая колышущаяся мас-
са.

Чаша переполнена.

Чем измерить семь дней одиночества? Вздохами, взмахами ресниц, ударами сердца?

Цифрами? Вопросами?

Нет:

щипками, я думаю,

вырывающими время из чувствительной кожи.
С болью, секунду за секундой.

Молча я поглощаю пищу.

В минувшую субботу я поглощала шум, и свет, и движение возбужденных тел.

И много пила. Напивалась,
пока не свалилась на пол.

В минувшую субботу я забыла чувство одиночества. Вообще забыла, что значит чувствовать.

Забыла неуклюжие пальцы и кленовые грифы,
сердечные струны и скрипичные,
теплые простыни и хрустящую бумагу.

Забыла начало и конец. *Da Capo al Fine*⁹.

(Продержись до выходных, Джунипер.

И ты снова сможешь забыться.)

⁹ *Da Capo al Fine* (итал.) – От начала до конца.

Оливия Скотт

Сидя в гостиной, я слышу бряцанье ключей. Наконец-то. Это, должно быть, Кэт.

Я захлопываю книгу и иду на кухню, включаю там свет. Задрипанный светильник на полочке освещает деревянную поверхность стола. Холодильник безо всяких магнитиков и картинок стоит на квадратном сером коврике. Такое впечатление, что интерьер нашего дома создан по моделям из непопулярной рубрики «Тюрьмы» в журнале *Better Homes and Gardens*¹⁰. А мне так хочется развесить всюду тыквы и сосновые шишки, которыми мы всегда украшали дом в ноябре, когда с нами была мама. Еще и трех лет не прошло, но это было словно в другой жизни.

– Привет, где была? – спрашиваю я, когда Кэт закрывает дверь. – Я звонила тебе раза три, наверно.

– Знаю. – Она сбрасывает туфли рядом с холодильником.

– Твоя репетиция закончилась почти час назад.

– Знаю, – повторяет она. – Спасибо за информацию, сестричка-вертолет.

Прозвище неприятно резануло. Я стараюсь не терять самообладания.

¹⁰ *Better Homes and Gardens* (англ. «Уход за домом и садом») – популярный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам домоводства. Основан в 1922 г.

– Папа работает до одиннадцати. Попросил, чтобы мы не шумели, когда он придет домой. Ему нужно хорошенько выспаться, поэтому... ну, не знаю... наушники, что ли, надень, если будешь играть.

Кэт плетется к лестнице.

– Ужин я приготовила, – быстро говорю я ей вслед. – А еще пришли два новых уведомления о том, что ты пропускаешь занятия. Может, давай поговорим о...

Она поднимается по ступенькам.

– Черт побери, Кэт, – не выдерживаю я, – не могла бы ты...

– Что? – спрашивает она, резко оборачиваясь.

Я присматриваюсь к ней, и мой гнев как рукой снимает.

Выглядит моя сестра неважнецки. Белокурые волосы до плеч грязные и спутанные. От частого обесцвечивания в домашних условиях они стали ломкими, но у корней уже снова темнеют. Круги под глазами рдеют, словно пятна от вина на белой скатерти. Тонкие губы обкусаны.

– У тебя все нормально? – спрашиваю я робко.

Ее губы раздвигаются в полуулыбке. Эта ее полуулыбка ужасна, похожа на презрительную ухмылку.

– Конечно, – отвечает она. – А *твой* день как прошел, сестричка?

Обида бурлит во мне, как забродившее вино. Кэт поднимается.

Что с ней вообще такое? Не видит, что ли, как я из кожи вон лезу?

С некоторых пор до Кэт вообще не достучаться. Часами сидит, запершись в своей комнате, общаясь со своими «лучшими друзьями»: компьютерными играми «Биошок», «Масс-эффект» и «Халф-лайф 2». Ее стрелялки я слышу сквозь стены. Поразительно, до чего громко орет ее ноутбук.

В мои обязанности не входит со скандалом вытаскивать Кэт из ее логова, но порой я жалею, что мне не хватает на это смелости. Наш дом уже напоминает камеру-одиночку.

Жужжит мой телефон, уведомляя о сообщении. Я хватаю его. Мне пишет Дэн Силверстайн: *Привет, как дела?*

Я вздыхаю. Наш с ним роман получил слишком широкую огласку, мне не хочется отвечать. Но нельзя же срывать на нем злость только потому, что кто-то испортил мне настроение. Это несправедливо.

На твердую троечку, пишу я. *А у тебя?*

В ожидании ответа я достаю из духовки спагетти, кладу себе немного на тарелку, а остальное убираю назад, чтобы Кэт тоже поела тепленькое. Я не теряю надежды, что однажды сестра сядет ужинать вместе со мной, но она и не думает – может, это и к лучшему. Последний раз мы ели вместе, наверно, месяц назад и за все время трапезы сказали друг другу шесть фраз. Две из них были «Привет» и «Привет».

Мне невольно вспоминаются семейные ужины в восьмом классе. Во-первых, они были лучше приготовлены, потому что мама – в отличие от меня – умела печь, жарить и варить, не устраивая пожара. Во-вторых, когда за столом собирается

вся семья, любые блюда кажутся вкуснее. С отъездом мамы в доме как будто образовалась дыра, а сегодня и папин стул пустует. С некоторых пор он задерживается на работе все дольше и дольше. Сегодня уже третий день кряду он пашет до одиннадцати вечера.

Я с жадностью заглатываю спагетти, так быстро, что обжигаю рот. Морщась, вожу языком по небу, чтобы успокоить жжение.

Сигналит мой телефон. *У меня все отлично*, пишет Дэн. *В субботу классно провел время.*

Я тоже, отвечаю я. Почти не солгала. Дэн, конечно, не Хан Соло, а я не принцесса Лея¹¹, но он был мил, внимателен и мне показался вполне безобидным. Удивительно редкое сочетание.

Чем занимаешься? – интересуется он.

Ужинаю. Макаронами!

Ой, извини. Не хотел мешать.

Ты не помешал. Уже поела, отвечаю я, вставая из-за стола, чтобы вымыть посуду. *А у тебя что?*

Ничего особенного. И это весь его ответ. Я ждала продолжения, но его не последовало. Я невольно рассмеялась. Зачем вообще нужно было мне писать, если он собирался ограничиться «ничем особенным»? Как у мужиков мозги работают?

¹¹ Хан Соло, Лея Органа – персонажи саги «Звездные войны» режиссера Дж. Лукаса.

И вдруг на экране моего телефона выскакивает фото пениса.

Я чуть не задыхаюсь от изумления, роняю мобильник.

– Что? Почему?! – восклицаю я, обращаясь к телефону в надежде получить внятное объяснение от Siri¹². Это, должно быть, ошибка. Неужели я сказала нечто такое, что навело Дэна на мысль, будто мне нужен такой снимок?

Я хватаю телефон, просматриваю сообщения, которые ему отправила. В них нет ничего провокационного, разве что у Дэна нездоровая тяга к макаронам, о которой я знать не желаю.

Сейчас еще только 6:10 вечера! Не самое подходящее время для фоток пениса. И вообще фотки пениса всегда некстати, если их присылают без твоей просьбы.

Придурок, пишу я в ответ.

Почему? – удивляется он.

Я набираю, как мне кажется, взвешенный ответ. Хотя в мозгу свербит только одно слово: «Пенис! Пенис! Пенис!», от которого не так-то просто отрешиться.

Что, по-твоему, мне с этим делать? – спрашиваю я.

Не знаю! Наслаждайся! – отвечает он.

– Наслаждайся, – говорю я телефону. – *Наслаждайся!*
В воображении сразу возникает реклама блюд итальянской

¹² Siri (Speech Interpretation and Recognition Interface) – компьютерная программа, разработанная для iOS (операционная система для смартфонов, электронных планшетов и т. д.), персональный помощник и вопросно-ответная система.

кухни. *Наслаждайтесь!*

Я смеюсь, визгливо и нервно хихикаю – совсем не похоже на мой голос. Кладу телефон и горблюсь над кухонным столом. Боже, если б Кэт это слышала, наверно, решила бы, что я повредилась рассудком.

На экране вновь запрыгало многоточие: Дэн пишет ответ. Очередной свой перл: *И ничего взамен?;*)

Я вздыхаю. Мне следовало это предвидеть.

– Нет, – говорю я своему телефону.

За спиной раздается какой-то шорох. Я резко поворачиваюсь. На пороге стоит Кэт.

– Привет, – произношу я, убирая телефон в карман.

Она кивает и идет к плите. Одним небрежным движением вываливает на тарелку остатки еды. Мы обе молчим. Кэт плюхается на стул, наматывает на вилку спагетти.

Я занимаю стул напротив. Она смотрит на меня, прищурив свои голубые глаза. Эти голубые глаза – мамины глаза – единственное сходство между нами. Во всем остальном мы совершенно разные. Ростом Кэт едва дотягивает до метра шестидесяти и до того бледная, что раньше я постоянно в шутку сравнивала ее с эктоплазмой. Но это было давно, в восьмом классе, когда мы еще подшучивали друг над другом.

– Репетиция нормально прошла? – спрашиваю я.

Она пожимает плечами, продолжая есть. Проходит долгая минута.

Я прокашливаюсь, настороженно наблюдая за сестрой.

– Слушай, по поводу школы...

– Да расслабься. Я уже решила вопрос с пропуском занятий. Папа написал записку, что я болела.

– Я... но ты же не болела.

– Но записку он написал. – Кэт пожимает плечами. – Проблема решена.

Я ставлю на стол локоть. Придется поговорить с отцом. Мне понятно его желание предоставить нам относительную свободу, особенно при таком плотном графике работы, как у него, но нельзя же вообще отпускать поводья.

Отец – заместитель директора «Макдоналдса» на Франклин-роуд. Казалось бы, слово «директор» в названии должности подразумевает не очень длинный рабочий день, но папа постоянно торчит в офисе сверхурочно. Неужели ему приятнее разбираться с проезжими идиотами, чем проводить время с нами? Или у нашей семьи проблемы с деньгами, в которые он предпочитает нас не посвящать?

Жужжит мой телефон. *Ладно, я подожду;*

– Кто это? – любопытствует Кэт.

– Придунок один.

– Тот, с которым ты трахалась в прошлые выходные?

– Полегче, – осаждаю я сестру. – Не хаами.

– Высший класс, – хохочет она. – Ты и твой шальной кавалер из моего класса по алгебре. Союз, заключенный на небесах.

Мои щеки горят. Чудесно. Теперь я ходячий объект шуток для собственной сестры.

Наверно, лучше уйти наверх. Какого черта я пытаюсь наладить с ней отношения? Зачем мучаю себя, сидя здесь и слушая ее издевки?

Потому что раньше она была другой, говорит мне внутренний голос. Но сейчас, глядя на Кэт, я с трудом вспоминаю ее ту, другую. В средней школе волосы у сестры были гладкие и длинные, до пояса. Она была тихой, но не замкнутой. Всегда за обедом сидела вместе со мной, Джунипер и Клэр, уговаривала нас во что-нибудь сыграть. Правда, играли мы только в теннис, летом. Двое на двое. Побеждала та пара, за которую выступала Клэр.

Потом мы окончили среднюю школу, и мама уехала из Паломы, затерялась где-то на западном побережье. Миновало два с половиной года с тех пор, как Кэт замкнулась в себе.

Но когда она стала подлой и жестокой? Нет четкой грани, отделяющей прежнюю Кэт от настоящей. Могла ли она сказать что-то подобное в прошлом году? Как мы докатились до такого?

– Так какой он у тебя по счету? – спрашивает Кэт. – Дюжину замыкает?

– Слушай, подруга, – я со стуком кладу телефон на стол, – в чем твоя проблема?

– У меня проблем нет. Проблемы, насколько я понимаю, у тебя.

– Ну все, хватит. Что ты все исходишь желчью? Я не сделала тебе ничего плохого.

– Ты одним своим присутствием отравляешь мне жизнь.

Ее слова – как удар плетью. Я встаю и говорю как можно более бесстрастно:

– Понятно. Пора бы тебе уже повзрослеть, Кэт.

Меня так и подмывает со стуком задвинуть стул, ничто не доставило бы мне большего удовлетворения. Но я сдерживаюсь. Словно неживая, разворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице, заставляя себя не топтать. Оказавшись вне поля зрения Кэт, я прислоняюсь к стене и задумчиво смотрю на темные обои. По стенам в коридоре развешаны семейные фотографии – тропа ностальгических воспоминаний.

Мама, что бы ты сказала ей? Как бы поступила?

Мама была легкомысленной, нервной особой, снисходительной к чужим ошибкам. Она раздаривала тепло своей души всем, кого встречала. Держу пари, она бы стиснула Кэт в объятиях и не отпустила ее, пока та не поделилась бы с ней своими невзгодами.

Я сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Неважно, как поступила бы мама, в моем исполнении это не прокатит. *Сестричка-вертолет*. Более уничижительного прозвища у меня еще не было, а это о чем-то да говорит. Я, конечно, не стану ее душить, но надо что-то делать. Отец не собирается выводить Кэт из этого состояния, но ведь кто-то должен. А мне не доставляет удовольствия выслеживать ее, застав-

лять ходить в школу и прочее. Не я должна этим заниматься.

Я плетусь в свою комнату и падаю на кровать, вытаскиваю свой телефон. ***Я жду, лапуля. Не разочаруй меня,*** гласит последнее сообщение Дэна.

Тут я осознаю, что и в самом деле обдумываю его предложение. С чего вдруг? Нет гарантии, что мое фото не появится в сети, а моя репутация и так уже пострадала.

Перечитывая сообщения Дэна, я чувствую, как в груди нарастает непонятное страстное томление. Как это ни печально, но после свирепых взглядов Андреа, осуждающих речей Клэр и презрительных фраз сестры непристойная просьба Дэна кажется заманчивой. Мне и самой противно, что она засела у меня в голове, но, по крайней мере, это служит напоминанием, что у некоторых мое общество не вызывает отращения.

Я не посылаю снимки, пишу я в ответ, поразмыслив еще немного. ***Пожалуйста, больше не отправляй мне ничего подобного.***

Измощенная, я поворачиваюсь на бок.

Валентин Симмонс

Вытирая полотенцем голову, я снова внимательно осматриваю полки в своей комнате, надеясь, что, возможно, что-нибудь пропустил. Нет, конечно. У меня каждая книга на счету: тридцать семь на полках у двери, восемнадцать – на полке над зеркалом, еще тридцать шесть – в книжном шкафу под моей кроватью в стиле лофт. Я все их прочитал уже по два раза, кроме «Физики невозможного»¹³, которую никогда и не планировал открывать вновь. Не в моем вкусе. Она, скорее, для любителей научной фантастики.

Не понимаю, чем так привлекает народ научная фантастика. Многие из подобных произведений начисто лишены всякого здравого смысла. В них почему-то обязательно описывается будущее, в котором летающие машины заменяют все виды транспорта. Превосходно! Интересно, эти авторы когда-нибудь задумывались о таком понятии, как акрофобия? Хотя бы раз? Ведь на земле миллионы людей, которые панически боятся высоты, и одна только мысль о полете приводит их в ужас. Но нет, писателям плевать на акрофобов.

– Валентин, – окликает меня мама, – ты еще в душе?

¹³ «Физика невозможного» (Physics of the Impossible) – книга Митио Каку (род. в 1947 г.), амер. ученого японского происхождения, специалиста в области теоретической физики, известного как популяризатор науки, автор научно-популярных книг.

– Будь я в душе, тебя бы не услышал, – отвечаю я, вешая полотенце.

– Ужинать иди, умник.

Я натягиваю футболку и иду на кухню. Мама ставит передо мной тарелку, а сама усаживается напротив. Я готовлюсь сопротивляться традиционному натиску тупых вопросов: *Как прошел день? Узнал что-то новое? Подружился с кем-нибудь?* Одна из «прелестей» быть сыном школьного методиста. У нее неиссякаемая страсть к бессодержательной болтовне.

Но сейчас мама говорит только:

– Папа все еще в лаборатории.

– Да понял уже, – равнодушно отвечаю я, – раз здесь его нет.

Мама молчит. Подозрительно. Я потягиваю воду, поглядывая на нее поверх бокала. Мама сидит, склонив голову, так что рыжевато-русская челка падает ей на глаза. Она смотрит на вилку, бесцельно помешивая картофельное пюре.

Мне это не нравится. Ведь мне она всегда приказывает есть, а не ковыряться в тарелке.

– Что-то случилось? – предполагаю я.

Она поднимает на меня глаза, слабо улыбается:

– Нет, ничего.

– Что ж...

– Просто... все думаю о том собрании.

– А-а-а, это. – Проглотив немного пюре, я кладу вилку на

стол. – И что?

– Чтобы такое случилось в Паломе... – Она качает головой. – Надеюсь, скоро во всем разберутся. Меня это сообщение расстроило.

– Почему?

Мама опирается локтем на стол и криво улыбается мне, что на нее совсем не похоже.

– Поймешь, когда у тебя будут свои дети.

– Это вряд ли, – бурчу я, снова принимаясь за еду. – Впрочем, ладно. А сообщение, по-моему, честное и открытое. Зачем из-за него голову ломать?

Здесь я лицемерю, ведь сам постоянно думаю о том собрании, но лишь потому, что шумиху спровоцировала моя записка.

Две недели назад я задержался в школе – я ждал маму. В шесть вечера, когда коридоры давно опустели, я шел мимо комнаты отдыха преподавателей. Из-за закрытой двери доносился чей-то тихий голос.

– Никто не узнает.

Я замер на месте. Незнакомый девичий голос звучал тревожно.

– Прошу тебя... не волнуйся. Ведь я не в твоем классе, вместе нас никто не видел, сама я никому о нас не рассказывала. Клянусь. – Пауза. Звук поцелуя. – Я люблю тебя.

Я попятился от двери. Осознав смысл услышанного, я почувствовал, что у меня участился пульс, и поспешил прочь.

В тот же вечер на школьном сайте я оставил анонимное сообщение: *Кто-то из преподавателей состоит в любовной связи с кем-то из учащихся. Они встречались после занятий в комнате отдыха. Личности неизвестны.*

Как ни странно, но сейчас мне кажется, что я не должен был доносить, и это само по себе нелепо. Разве в таком случае я не стал бы соучастником преступления?

Я и так был не особо голоден, а теперь аппетит и вовсе пропал. Я извинился, и в кои-то веки мама слова не сказала по поводу того, что я не доел. Возвращаюсь в свою комнату, но и здесь ничто меня не успокаивает: ни потрепанные корешки любимых книг, ни холодный блеск ноутбука, ни черная ночь в рамке слухового окна. Я крутанул гироскоп на столе – один раз, второй, – но его гипнотическое жужжание не помогает.

С крючка на двери я хватаю запасные ключи от маминой машины, надеваю куртку и иду через кухню, где все еще сидит мама.

– Ты куда? – спрашивает она.

– На улицу, – говорю я и выхожу за дверь, не дожидаясь ответа.

Поездки на автомобиле в темное время суток всегда помогают мне развеяться. Сам не знаю, почему. Безусловно, это не из-за красивых видов: в нашем городке Палома, штат Канзас, с населением 38 000 жителей смотреть особо не на что.

Наверно, мне просто легче найти оправдание своему одиночеству, когда я нахожусь в движении.

Я проезжаю мимо шикарных торговых рядов в центре Паломы, мимо офисов местных фирм и антикварных лавок. За ними, на отшибе, одиноко стоит «Макдоналдс» – единственное свидетельство того, что корпоративная Америка признает наше существование. В остальном наш маленький городок – это лабиринт жилых кварталов. Некоторые представляют собой окраинные типовые комплексы с одинаковыми мини-коттеджами, другие – элитные поселки, где дома украшены нарядными круглыми окнами, а в садах и огородах применяются только органические удобрения. Есть еще крошечные забытые улочки с ограждениями из проволочной сетки, которые патрулируют немногочисленные силы нашей полиции.

Сам не знаю, как я оказываюсь у здания старшей школы, паркуюсь на стоянке. Ночью наша школа выглядит совсем иначе: пустое тело с потухшими глазами. В лобовое стекло я смотрю на трехэтажное сооружение из кирпича и стекла, а сам только и вспоминаю тихие звуки поцелуев и шепот: *Я люблю тебя.*

Пытаюсь представить, что чувствует человек, когда целуется. Сам я никогда не испытывал желания прикоснуться к чьим-то губам. И отказываюсь верить в то, что поцелуй порождает симфонию скрипок, головокружительную смену образов, взрыв чувств в груди или что там еще бывает.

Смотрю на свои руки. Подношу два пальца к лицу, к губам.

Ничего. Никаких ощущений.

Некоторое время сижу неподвижно, потом отнимаю руку от лица. Выхожу из машины, хлопаю дверцей, внезапно смущенный своим поступком. Смущенный тем, что вообще об этом задумался. Я забираюсь на капот машины, прислоняюсь спиной к ветровому стеклу и, сунув руки глубоко в карманы, смотрю вверх. По всему небосводу рассыпана наша галактика, и мне кажется, что я нахожусь в ее чреве. Я – крошечная песчинка.

Знаю, что Земля вращается вокруг своей оси с огромной – для нас – скоростью. Знаю, что вокруг Солнца она летит еще быстрее. Знаю, что скорость вращения нашей галактики – Млечного Пути – вообще бешеная. Но, лежа здесь, я не ощущаю движения – нахожусь в состоянии полнейшего покоя. Делаю вдох, задерживаю дыхание и на счет десять выдыхаю. Облачко пара поднимается над моей головой и растворяется в черном небе.

Ты сделал свое дело, говорит мне внутренний голос. Тебе больше нечего сообщить школе. На этот счет волноваться бессмысленно.

Но в ушах продолжает звучать девичий голос, тихий, хриплый и сладостный.

Джунипер Киплинг

С понедельника каких только версий я не слышала.

Версий о том, какой же скотиной надо быть, чтобы совращать учащихся.

Версий о том, какая же блудливая тварь соблазняет учителей.

Столовая подобна волчьему логову.

За каждым столом морды с острыми клыками.

Непонятное зверье в очереди за мной тьякает и лает – сегодня им бросили на растерзание свежий кусок мяса.

Список кандидатов, вывешенный Клэр.

– Эти списки кандидатов в комитет по самоуправлению – смех один. Умереть и не встать...

– Представляешь, Мэтт Джексон выдвинул свою кандидатуру...

– ...и Оливия Скотт. Вообще... да?

– Да уж.

– Говорят, Оливия – классная девчонка. Но та-ака-ая шлю-юха. Бре-е-ед какой-то!

– Ага. Кстати, слышали, что в выходные она зажигала с Дэном Силверстайном?

– Спорим, это она крутит роман с учителем? Ой, поняла. Я – гений. А что если те ребята – это такая дымовая завеса распущенности?

(Я набрасываюсь на них, потому что напряжение этой недели копится и копится, и я больше не в силах сдерживаться.) – Не *смейте!*

Наша школа – это организм, умышленно отравляющий себя, вводящий в себя яд внутривенно.

Ехидство, ненависть, желчь.

Неудивительно, что меня тошнит.

Немая сцена.

Два блестящих рта округлились в букву «О», четыре подведенных глаза таращатся на меня.

Прежде я не видела этих девиц.

И надеюсь, что никогда больше не увижу.

Раз они порицают Оливию за то, что она раздвигает ноги, они и меня станут осуждать, если узнают –

флаг им в руки.

Разве количество партнеров имеет значение? Как и рост, вес, цвет глаз?

Возраст?..

Ну нет, нет, *разумеется, это не так,*

ведь нам с малых лет внушают, что взрослых надо слушаться;

ведь, отказывая кому-то, отвергая кого-то, приходится де-

монстрировать железную, нестигаемую волю, если тебе с малых лет внушают, что нужно приспособливаться, смиряться, угождать;

ведь возраст имеет значение – я это знаю.

Клянусь.

– *Извини, Джунипер,* – говорит одна из девиц. – *Я не хотела...*

Я быстро иду прочь от нашего столика. Оливия с Клэр смотрят на меня во все глаза,

словно я создана из космической пыли

и они никак не могут наглядеться на мое необычное, нездешнее сияние.

Чей-то потрясенный взгляд в коридоре, по которому я чуть ли не бегу.

Второй, третий, четвертый шокированные взгляды, обращенные на девчонку, которая выказывает свое волнение у всех на виду.

Закрываю лицо ладонью, растопырив пальцы.

Создаю иллюзию, что никто не видит, как я иду мимо них, – если бы, *если бы...*

За угол, в дверь, запираюсь. Дрожу, трепещу...

Наконец-то я одна.

Свет отражается от стен уборной,
звонким эхом рикошетит внутри кабинок.

Минуты. Спокойствие, словно солнцезащитный крем, размазывается по моей коже.

Где-то под ребрами скопился крик.

Я сую пальцы под горячую воду. Они краснеют.

Смотрю на свое отражение в зеркале, но что-то в моих глазах не так.

Я не вошла в свою шкуру

и не могу заставить себя поверить, что

между нами все кончено, кончено, кончено.

Клэр Ломбарди

Вам знакомо состояние, когда до того стыдно за кого-то, что хочется залезть под одеяло, метаться и кричать: *Какого черта ты это сделал?!*

Никогда бы не подумала, что испытаю подобное унижение – и из-за кого?! – из-за Джунипер. Она всегда такая собранная, порой кажется, что она и вовсе не живой человек.

Нет, она не идеальна. Идеальных людей не бывает. Я тоже не идеальна.

И все же даже как-то приободряет, что Джунипер проявила слабость на виду у всей школы. Накричала в столовой на двух незнакомых девиц. Идеальные девушки так не поступают. Я никогда не делала ничего столь зазорного.

Можете осуждать меня, но своим проколом Джунипер подарила мне ощущение, будто я выиграла какое-то негласное соревнование.

– Что это было? – в недоумении спрашивает Оливия, глядя подруге вслед.

– Понятия не имею. Пойду посмотрю, может, она захочет поговорить. – Я встаю из-за стола, запикиваю мусор в бумажный пакет.

– Да не станет она разговаривать, – предупреждает Оливия. – Помнишь концерт прошлой зимой?

Я морщусь. Трудно забыть выступление Джунипер в де-

кабре прошлого года. В середине последней части концерта она сбилась в связующей партии и опустила смычок, аккомпаниатор тоже перестал играть, и в зале наступила мертвая тишина. Эту завершающую часть – семиминутный отрывок завораживающей виртуозности – ей пришлось начать сначала. Когда публика разошлась, Джунипер заперлась в туалете, и ни родители, ни Оливия, ни я никакими уговорами не могли заставить ее открыть дверь.

Через полчаса, спокойная и собранная, она вышла сама. О том концерте она до сих пор не упоминает.

– Все же я попытаюсь, – не отступаю я.

– Бог в помощь, – напутствует Оливия.

Хмурясь, я поправляю на плечах рюкзак: девять килограммов учебников, тетрадей и переполненных папок. Иду из столовой, думаю: *Оливия и сама могла бы попытаться поговорить с ней, от нее бы не убыло.* Но Оливия никогда не лезет в душу ко мне или к Джуни, не навязывает свою заботу. Кажется, ей не нравится такая близость.

Когда мама Оливии уехала из Паломы, я каждый день старалась как-то поддержать ее. Слала ей сообщения, звонила, навещала ее – в общем, всячески пыталась облегчить подруге боль. В ту пору, летом, когда мы переходили в девятый класс, машину я еще не водила – по возрасту не полагалось, – поэтому я упрашивала свою сестру Грейс отвезти меня к Оливии. Но затем я сама, после расставания с парнем, оказалась в глубокой депрессии – это случилось в мае.

Так вот Оливия спряталась за занавесой робкого отстраненного сочувствия и утешала меня банальностями типа «Скоро все наладится» или «Скажи, если я чем-то могу помочь».

Теперь, оглядываясь, я затрудняюсь сказать, справедливо ли это.

Заворачивая за угол, я вижу, как Джуни в конце коридора исчезает в женском туалете. Я спешу за ней.

Дойдя до уборной, я толкаю дверь плечом. Заперто.

– Джунипер! – окликаю я. – Это Клэр. Хочешь поговорить?

– Все нормально, – отвечает она приглушенным голосом. – Уйди, пожалуйста. Мне нужно побыть одной.

– Хорошо. Скажи, если понадобится.

Поддав вздох, я отхожу от двери. Оливия оказалась права. Кто бы сомневался.

Порой мне кажется, что Оливия и Джуни существуют в какой-то другой плоскости. Они любят притворяться, что все у них тип-топ. В этом между ними царит абсолютное взаимопонимание. Я же... скрытность мне ненавистна. В сравнении с ними я чувствую себя эмоциональной растрепой. Они – аккуратно напечатанные арии; я – небрежно наляпанная сонатина, записанная неряшливыми закорючками на нотной бумаге. Джунипер – сама элегантность; Оливия – стик. А я – бог знает кто.

Ссоры, недомолвки между нами меня раздражают. Неужели мы постепенно отдаляемся друг от друга? Мы втроем

неразлучны с шестого класса – у меня сердце сжимается от одной только мысли, что я могу их потерять.

Я грызу ноготь мизинца. «Потерять» – пожалуй, не совсем точное выражение. Не все мы трое отдаляемся друг от друга. Я, как и раньше, стараюсь быть хорошей подружкой. Это они вдвоем отстраняют меня.

Во всяком случае, мне так кажется. Джулия и Оливия – два сапога пара, идут в ногу, а я с каждым днем отстаю от них на несколько шагов, превращаясь в стороннего наблюдателя.

Я оглядываюсь на дверь уборной. Меня зло берет из-за того, что Оливия оказалась права. Значит, Джунипер она знает лучше, чем я.

А я ненавижу быть неправой.

Лукас Маккаллум

Я еду назад в школу из винно-водочного магазина и всю дорогу размышляю о телешоу «Исповедник», которое смотрел в Нью-Йорке. Главный персонаж, ведущий – чел по имени Антуан Эбботсон. Невысокого росточка, улыбчивый, в синем костюме. Он приглашает на свою передачу трех человек, у каждого из которых есть свой секрет. Суть в том, что Исповедник предлагает им раскрыть свои секреты в прямом эфире за деньги, торгуясь, как на аукционе. Но если он достигает определенного долларового порога – какой-то необъявленной суммы ниже \$50 000, – приглашенный уходит с пустыми руками. Правда, бывает, что участники телешоу срываю́т банк. Одной женщине заплатили \$47 000 за то, что она объяснила мужу, почему у них в гостиной стоит ужасный запах. Оказывается, однажды в состоянии сомнамбулизма она навалила в пианино, убрать потом за собой не смогла: слишком глубоко упало, не достать, – а сказать об этом кому-нибудь духу не хватило.

Странно наблюдать, как участники телешоу оценивают свои секреты. Мои родные все свои чудачества выставляют напоказ. Взять дядю Джереми: он получил приз за то, что у него самые длинные усы в штате Нью-Йорк. А кузина Кэбрет бросила университет и открыла собственное сыскное агентство. Ну и нельзя не упомянуть прабабушку Луизу: ей девять

носто один год, а она живет одна в хижине в горах Катскилл¹⁴ и до сих пор каждое утро проверяет свои капканы.

Моя семья ценит честность по двум причинам: во-первых, одна из десяти заповедей гласит: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего»; во-вторых, мои родные – все сплошь прямодушные люди, а такие выдают свои секреты с каждым рукопожатием; они обнажают души.

А что же я? От родителей у меня есть один секрет. Секрет ничуть не интересный, в школе он известен всем и каждому: я продаю дурь. Не сильнодействующие наркотики – всего лишь травку и спиртное. Но маме с папой я об этом не скажу. Они думают, что те деньги, которые у меня есть, – это остатки того, что я заработал летом, когда подвизался уборщиком в магазине скобяных товаров «Брент».

Они очень расстроятся, если узнают правду. Мои родители – люди бескорыстные и самоотверженные, но мне всегда мало того, что они дают. Я хочу иметь больше, и Палома лишь питает мою жажду наживы. Когда я приехал сюда в девятом классе, это место показалось мне ненастоящим: кукольный город, совсем крошечный, а с тех пор он стал еще меньше. Здесь я знаком с каждым, побывал всюду. Здесь больше ничто мне не интересно – остается только доходы собирать. Порой это повергает в депрессию.

Я сворачиваю на школьную парковку, гремя ящиками с

¹⁴ Горы Катскилл (The Catskill Mountains) – горный хребет в Южных Аппалачах, в юго-восточной части штата Нью-Йорк.

пивом, что стоят в багажнике моего пикапа. И вдруг откуда ни возьмись – ободранный «камри». Сигналит мне вовсю. Я жму на тормоза. Слишком поздно.

«Камри» врзается в мой передний бампер, меня швыряет вперед. Я не услышал скрежета и лязга – только глухой стук. А глухой стук не столь драматичен, как лязг и скрежет. Мне даже обидно стало, будто меня обманули.

Во внезапной тишине я пытаюсь оценить свое состояние, мысленно составляя список подозрительных симптомов:

- *Ледяная кожа.*
- *Пульс в необычных местах – ушные мочки, предплечья?*
- *Отсутствие боли.*

Руки-ноги, слава богу, на месте, зато теперь появился один пункт, который мне придется исключить из списка того, что я никогда не делал¹⁵.

Подраненный «камри» занимает одно из мест на стоянке. Я паркуюсь рядом и выскакиваю из машины, чтобы проверить повреждения. Дверца пикапа скрипит, когда я ее рас-

¹⁵ Речь идет об игре Never have I ever («Я никогда не...»); другое название – «Десять пальцев»). Суть ее заключается в следующем: выбирается ведущий, игроки садятся в круг. Ведущий высказывает какое-то утверждение. Тот, кто раньше делал такое, загибает палец. Когда у игрока все пальцы загнуты, он выбывает из игры. Если среди участников игры не находится тот, кто имел бы подобный опыт, выбывает сам ведущий. Выигрывает последний оставшийся игрок.

пахиваю.

«Камри» цел и невредим, не считая крошечной вмятинки под одной фарой. Мой пикап, напротив, выглядит так, будто сражался с одним из Трансформеров. Должно быть, «камри» выбил последний винт, благодаря которому мой передний бампер держался на месте. Теперь он криво болтается, напоминая перекошенную ухмылку.

Я стискиваю зубы, ерошу волосы. Вы только посмотрите на меня – переживаю из-за какого-то раздолбанного, заросшего грязью пикапа. Что сказали бы на это мои приятели из средней школы?

Лишь через минуту мне удастся отделаться от этой мысли. Во-первых, если все идет по плану, я до конца школы сумею скопить денег на новый – хороший – автомобиль. Во-вторых, я не поддерживаю связь ни с кем из Пиннаклской школы, так что их мнение не имеет значения.

И все же я не в силах избавиться от комплекса, который развился у меня там.

Я учился в самом элитном районе Бруклина, в частном заведении. Я получал стипендию, и беднее меня в школе не было никого – унижайшее положение. Все во мне кричало, что я там чужой: стрижка, одежда, место жительства. От нашей квартиры на Кони-Айленд¹⁶ до престижного квар-

¹⁶ Кони-Айленд (Coney Island) – часть Бруклина (Нью-Йорк), выходящая к Атлантическому океану. В этом районе есть морской пляж и парк аттракционов.

тала в Бруклин-Хайтс¹⁷, где находилась Пиннаклская школа, был час езды на общественном транспорте, и домашнее задание я делал на коленке, забившись в угол вагона рядом с мамой.

Пиннаклские ребята о деньгах, казалось, не думали, но сами, насколько я мог судить, купались в них. На каждой перемене мои странички в «Инстаграме» и «Фейсбуке» заполняли новости: их фото с весенних поездок на Мальдивы, с горнолыжного курорта Аспен, из летних домиков в Европе. Своим богатством они щеголяли непринужденно. Более прилизанные носили одежду пастельных тонов с фотографиями игроков в поло и эмблемами «Золотое руно»¹⁸. «Альтернативщики» ходили в мешковатых шерстяных топах и художественно рваных легинсах, но суть от этого не менялась: это были те же бешеные деньги, просто переведенные на другой язык.

Я не скучаю по той школе. Из-за снобов, что учились там, я до сих пор стыжусь своей семьи. До сих пор переживаю, как мы выйдем в глазах окружающих, даже здесь, в Паломе, где мы спокойно заняли свою нишу как представители низших слоев среднего класса.

– Лукас, ты в порядке?

¹⁷ Бруклин-Хайтс (Brooklyn Heights) – престижный жилой микрорайон в Бруклине (Нью-Йорк).

¹⁸ «Золотое руно» (Golden Fleece) – товарный знак амер. компании Brooks Brothers, выпускающей мужскую одежду.

Я вижу знакомое лицо, и меня сразу затопляет чувство облегчения: с Мэттом Джексоном я веду дела с начала девятого класса.

Я киваю:

– Ты нормально?

– Да. Хочешь вызвать копов?

– Копов? – Я бросаю взгляд на кузов своего пикапа. – Только их и не хватало.

Мэтт смотрит на брезент, прикрывающий ящики.

– В принципе, необязательно. Моя машина цела, так что, если ты не против ездить с отвисшим бампером, я настаивать не стану.

– Спасибо, чувак. Выручил.

Мэтт кивает. Он неплохой парень, но слова из него клещами не вытащишь. Он еще и сексапильный, в моем вкусе, но я научился игнорировать сексапильных парней, поскольку в этой школе все сплошь упертые гетеросексуалы.

В одной статье я прочитал, что три-четыре процента населения Земли составляют геи, лесбиянки или бисексуалы. Уж не знаю, откуда выкопали эту статистику, но к старшей школе Паломы она не имеет никакого отношения. Тысяча двести учеников, и среди них ни одного гомосексуалиста. Это вам не клуб содружества геев и натуралов.

Порой мне кажется, что здесь нужно организовать отдельный клуб для всех меньшинств, поскольку по этническому составу Палома не намного разнообразнее майонеза. По при-

езде сюда я никак не мог оправиться от культурного шока, потому что в этом городе все люди одного и того же оттенка белого и принадлежат к одной и той же ветви методистской церкви.

Мэтт открывает заднюю дверцу, наполовину исчезает в машине и роется в хламе на заднем сиденье. Я вижу, как под его толстовкой с капюшоном ходуном ходят лопатки.

– Эй, ты сегодня торгуешь? – доносится до меня его приглушенный голос.

– Да, найди меня после занятий.

– Отлично. – Он надевает на плечи рюкзак и захлопывает дверцу. – Свидание назначено.

У меня в груди что-то замирает. С затаенным дыханием я наблюдаю, как Мэтт натягивает вязаную шапку. Глаза у него светло-карие и настоороженные. Я недоумеваю: свидание?

И тут во мне просыпается влечение. Может, адреналин все еще бурлит в крови, так что кожа зудит, или от запаха холодного воздуха создается ощущение, что в моей ладони чья-то рука. Зимой в восьмом классе я впервые держал за руку парня, и морозные послеобеденные часы часто навевают это воспоминание: неуверенное прикосновение теплых пальцев Калеба.

– Слушай, Мэтт, – говорю я, – давай, может, кофе как-нибудь выпьем? Или поужинаем? Или еще что?

Его лицо каменеет. Будь это монитор, на нем бы выскочила надпись: *Ошибка 404. Сервер не может обработать ваш*

запрос.

– Я... что? – спрашивает он.

Лопухнулся. Беда. *Скажи же что-нибудь, Лукас.*

– Ничего, забей, – брякаю я. Самые неубедительные слова, которые я когда-либо произносил.

Мэтт, конечно, не debil – сразу все просек. Смотрит на меня как на ядовитую змею, пытающуюся завязать дружескую беседу.

– Вроде полгода назад ты был натуралом?

На парковку обрушивается шквал ветра, затеребившего тяжелые кожаные шнурки моих топ-сайдеров «Сперри». И кто меня за язык тянул?

В Пиннакле, обители богатеньких либералов, до твоей сексуальной ориентации никому нет дела. Моя приятельница Алисия частенько целовалась на лестнице со своей подругой, им обоим тогда было по тринадцать, и никто не обращал на них внимания. А вот в паломской школе совсем другой расклад. На тренировке по плаванию попробуй заикнись о том, что ты устал, в ответ тотчас услышишь: «Утри сопли, педик». После трудной контрольной народ скулит: «Это только для гомиков». А когда мои приятели хотят сделать комплимент друг другу, они произносят: «Ты не гомик». (Причем говорят это каждый раз, словно напоминая самим себе, что они «не гомики».) Я ни разу не видел, чтобы кого-то распяли за гомосексуализм, но это всего лишь в шаге от «утри сопли, педик». Поэтому я молчу.

Мне бы следовало сказать: «Я не гомик», притвориться, что я пошутил, но я не в силах выдать это из себя. Слова горечью обжигают язык.

У Мэтта вид все еще испуганный.

– Мне казалось, ты сто лет встречался с той цыпочкой – Клэр, кажется?

– Встречался.

– И?

– И... что? – пожимаю я плечами.

– И каково это, если ты гей?

– Я не гей.

Мэтт озадачен:

– Ты же только что пригласил меня на свиданку, чел.

– Да, но я не гей. Просто...

Звенит предупредительный звонок, спасая меня от необходимости объяснять. Мэтт поправляет рюкзак на плечах.

– Ладно, дело твое, – говорит он, не дожидаясь ответа. – Значит, после школы? Травка? По рукам?

– Конечно, – подтверждаю я. – И... м-м... Мэтт!

– Что?

– Не говори никому, пожалуйста... ладно?

Он передергивает плечами:

– Да, конечно.

Он идет прочь. Я смущен, но, провожая его взглядом, вздыхаю с облегчением. Терпеть не могу беседы на тему

«Кто такой пансексуал¹⁹?». А то мне снова пришлось бы объяснять то, что я уже растолковывал сотни раз всем своим родным: дядям, тетям, кузинам и кузенам. И мне предстоит еще миллион раз это повторять, пока не помру, а меня уже тоска берет.

Если честно, лучше уж рассказывать про пансексуалов, чем спорить на тему «Так не бывает». Дядя Джереми до сих пор настаивает, что моя сексуальная ориентация – это выдумка. Приятно знать, что меня не существует.

Но в принципе в этом плане с семьей мне повезло: мои родители из тех христиан, которые не придерживаются строго предписаний «Левита»²⁰. Отец по-прежнему мечтает, чтобы я начал встречаться с девушкой, но, по крайней мере, он перестал об этом говорить.

Меня тревожит, что семя моей тайны может дать ростки в Паломе. Мне хочется выкопать его, засунуть глубоко в карман и больше никогда об этом не упоминать.

Убедившись, что на парковке безлюдно, я перекладываю полдюжины ящичков с пивом «Миллер» во внедорожник Дэна Силверстайна, забираю из багажника причитающиеся

¹⁹ Пансексуал – тот, кого могут привлекать люди любой ориентации. В основе отношений не половая принадлежность, а моральная сторона: эмоции, ценности, личные качества. Отличие пансексуалов от бисексуалов заключается в том, что первых совершенно не заботит не только половая принадлежность партнера, но даже своя собственная.

²⁰ Книга Левит (третья книга Моисеева) – третья книга Пятикнижия, Ветхого Завета и всей Библии.

мне деньги и направляюсь к зданию школы. Быстро пересекаю газон, большим пальцем перебирая тонкие листики двадцаток. Обожаю их запах, текстуру. Поразительно, насколько приличную прибыль я получаю, хотя мои комиссионные невелики: всего пара долларов за упаковку пива. Спросом пользуется всегда одно и то же: пиво – по сути, сладкая вода – и марихуана, причем в таком количестве, что можно усыпить слона.

Труднее всего оказалось наладить сам бизнес. Для торговли спиртным мне понадобилось фальшивое удостоверение личности, которое я, воспользовавшись старыми связями, выписал из Нью-Йорка, так как в Паломе за фальшивые документы, причем не очень качественные, берут слишком дорого. Теперь у меня в кармане волшебный кусочек пластика, согласно которому моя тайная личность – местный супергерой Андерсон Льюитт, двадцатидвухлетний вермонтец, всегда покупающий товар оптом.

С марихуаной мне подфартило. Парень, снабжавший травкой нашу школу, уехал через полгода после того, как я пошел в девятый класс, и я занял его место. Мой поставщик – тридцатилетний мужик, страдающий нездоровой тучностью. Его зовут Фил, но ему милее имечко Тизи. Почему? Мне он этого так и не объяснил.

Звенит звонок.

– Черт, – бормочу я, убирая бумажник поглубже в карман. Последние метры до здания школы я преодолеваю бегом,

плечом распахиваю дверь и пулей залетаю в кабинет испанского языка. Сеньор Мунис-Алонсо награждает меня ястребиным взором. Я глуповато улыбаюсь в ответ, спешу к своей парте.

– Лусьяно... *tarde*, – констатирует Мунис-Алонсо, словно выносит смертный приговор. – *Y fuiste tarde ayer también. ¡Ten cuidado! No quiero darte una detención...*²¹

Я пытаюсь перевести его фразы, но их смысл ускользает от меня.

– Простите, – извиняюсь, усаживаясь за парту.

– *En español, por favor*²².

– Э-э-э... – мычу я. – *Lo siento*.

Мунис-Алонсо снова принимается спрягать на доске неправильные глаголы, и я вздыхаю свободнее.

– Да, Люк, *ten cuidado*. – Меня пихает локтем мой сосед по парте, Герман.

Широко улыбаясь, я отвечаю ему тем же. Герман плавает на спине, и, естественно, как только он вошел в состав команды, его окрестили Тритоном. Но некоторые называют Германа Русалкой из-за того, что у него длинные густые волосы. Что касается меня... даже не знаю. Ничего не имею против парней с волосами до пояса, струящимися на волнах

²¹ Лусьяно... *tarde*. *Y fuiste tarde ayer también. ¡Ten cuidado! No quiero darte una detención...* (исп.) – зд.: Лусьяно... вы опоздали. И вчера тоже пришли с опозданием. Будьте осторожны. Мне не хотелось бы назначить вам наказание.

²² *En español, por favor*. (исп.) – По-испански, пожалуйста.

океана.

Мунис-Алонсо спрягает другую группу глаголов. Ожидая, когда он закончит, я потягиваюсь. Герман разглядывает мое запястье.

– Ого! – восклицает он. – Клевые часики.

– Спасибо, – отвечаю я и, не удержавшись, добавляю: – «Мовадо»²³.

– Что? – заинтригованно произносит он.

– Копия, – лгу я, прочистив горло.

– А-а-а. Я думал, это ты глагол спрягаешь.

Улыбаясь, я большим пальцем потираю циферблат. Про цену я умолчал: почти вся моя прибыль за август. Казалось бы, зря я потратил около тысячи долларов на часы – мог бы отложить эти деньги на покупку машины или, черт возьми, помочь родителям с оплатой счетов, – но я, как ни стараюсь, не жалею. Я испытываю восторг и трепет каждый раз, когда думаю о том, что ношу такую ценную вещь. Уже подумываю о следующем приобретении, «Гуччи» или «Ситизен». Они уже лежат в моей корзине на сайте.

Мунис-Алонсо отступает от доски, открывая нашим взорам таблицы. Класс принимается их переписывать: шорох, шелест, скрип карандашей по бумаге, стук пальцев по клавиатурам. Я вытаскиваю из-за уха карандаш. На прошлое Рождество я купил себе новый ноутбук, но, если нужно что-то конспектировать, я предпочитаю записывать – мне так боль-

²³ «Мовадо» – марка швейцарских часов. Основана в 1881 г.

ше нравится.

– Слушай, Тритон, – тихо окликаю я Германа, начиная списывать с доски, – завтра вечером что-нибудь намечается?

– Ничего особенного. Говорят, кое-кто из команды пловцов собирается устроить сюрприз-вечеринку для Лейни по случаю дня рождения.

– У Бейли, наверно, да? Думаешь, мне там будут рады?

– По-моему, это закрытое мероприятие. – Смахивая с лица волосы, Герман продолжает переписывать таблицы спряжения глаголов.

– Что еще происходит? – спрашиваю я.

– Так ты лучше меня знаешь, – смеется он.

– Понятно. Значит, ничего, – заключаю я, записывая: *tendré, tendrás, tendrá*²⁴. – А знаешь что? Я, пожалуй, соберу кое-кого из ребят. Что может быть хуже спокойного вечера в пятницу?

– Папочка, миленький, – притворно скулит Герман. – Дай команде отдохнуть.

Я хмыкаю. Отдохнут после моей смерти. Если переезжаешь из города в город каждые несколько лет, корни пускать не удастся. Меня всю жизнь срывали с насиженного места – надоело. А время летит все быстрее и быстрее. Как-то не хочется остаться ни с кем и ни с чем.

Отрочество – лучшая пора в жизни. Так говорят. Возмож-

²⁴ Формы исп. глагола *tener* (1-го, 2-го, 3-го л. ед. ч. в будущем времени) – Иметь.

но. Я все пытаюсь постичь человека, ищу образцы для подражания. Смотрю на людей, оцениваю их, решаю, хочу ли я с ними общаться. Иногда нахожу достойных и задаюсь вопросом... ну, не знаю. Спрашиваю себя: неужели нельзя быть лучше?

Оливия Скотт

– Вы, как всегда, пунктуальны, мистер Джексон, – говорит мистер Гарсия, открывая дверь.

Мэтт Джексон вваливается в кабинет английского спустя целых десять минут после начала урока – новый рекорд, – и вид у него ничуть не виноватый. В глаза ему лезут вишневые кончики волос.

– Простите, – мямлит он. – В аварию угодил.

– Никто не пострадал? – спрашивает мистер Гарсия.

Мэтт пожимает плечами и идет мимо моей парты в конец класса, игнорируя всех любопытных.

Мистер Гарсия устало вздыхает. Правда, я ни разу не видела, чтобы он дал Мэтту карточку за опоздание, хотя в этом году тот только дважды пришел на занятие вовремя.

– Ладно. – Гарсия берет мел. – Итак, попросаемся с романом «Земля»²⁵. Далее мы должны познакомиться с произведениями европейских авторов, входящими в сокровищницу мировой литературы. В сущности, список стандартный. Наверняка кое-что из него вы читали. Поэтому я решил изменить подход.

Гарсия отдает нам стопку листков, которые мы разбираем,

²⁵ «Земля» (The Good Earth, 1931 г.) – роман амер. писательницы Перл Бак (1892–1973), лауреата Нобелевской премии по литературе (1938). Роман «Земля» удостоен Пулитцеровской премии. На русский язык переведен в 1934 г.

передавая друг другу по партам.

– В классе восемнадцать человек, и я разбил вас на пары, – объясняет он. – Каждая пара получит какую-то книгу. До Рождества вы сделаете презентации всех девяти произведений. До первой презентации мы будем читать отрывки на уроках, так что домашнего задания у вас поубавится.

В классе поднимается одобрителный гул. Гарсия присаживается к своему столу, ожидая тишины. Он складывает руки на груди, и мне вдруг приходит в голову, что, если бы не пиджак с галстуком, он вполне мог бы сойти за учащегося выпускного класса. В принципе, некоторые двенадцатиклассники выглядят старше него, что наводит меня на мысль...

Нет, категорически говорю я себе. Чтобы Гарсия замутил с кем-то из учениц... Это невозможно. Кроме английского и литературы, его вообще ничто не интересует. Многие учителя, бывает, скажут что-нибудь о своей жизни вне стен школы, а вот Гарсия – никогда. От него только и слышишь: *текст, текст, текст*.

И все же, обводя взглядом помещение, я вижу семнадцать равнодушных лиц, но готова поспорить, что последние дни все мои одноклассники думают о том же.

Парень, сидящий передо мной, плюхает на мою парту бумажную стопку. Я беру из нее один лист, пробегаю его глазами. Гарсия назначил мне в пару Мэтта Джексона. Я подавляю вздох, вспоминая диагноз Джунипер относительно

их так называемой «совместной» работы по биологии. Наша книга? «Ад» Данте Алигьери. Слава богу, что не «Отверженные»²⁶. Даже если б я читала этот роман по три часа в день, к июлю все равно бы не управилась. При всей своей любви к литературе я подолгу перевариваю каждое предложение. Раньше книги мне читала мама, но потом я подросла и стала стыдиться этого.

Нам с Мэттом выпало первыми представить свою презентацию – в следующий четверг. Значит, следующая неделя моей жизни будет принесена в жертву преисподней.

– Итак, – продолжает Гарсия. – Десять минут вам на то, чтобы посоветоваться со своим партнером и решить, в каком ключе вы намерены представить произведение. Варианты внизу: комическая инсценировка, игра или презентация в «Пауэр Пойнт». Но если выберете «Пауэр Пойнт», не рассчитывайте, что просто прочитаете слайды с текстом из статьи «Википедии», и все будут довольны.

Класс хохочет. По кабинету начинается беготня: каждый спешит к своему партнеру. Я иду в конец, сажусь за парту перед Мэттом. Он так низко сполз на стуле, что грудью касается края стола.

– Привет, – говорю я.

Впервые вижу лицо Мэтта так близко. Оно у него жутковатое, почти дикое: узкий разрез глаз, резко очерченный

²⁶ «Отверженные» (Les Misérables) – роман-эпопея фр. классика Виктора Гюго (1802–1885). Впервые опубликован в 1862 г.

асимметричный рот, будто перекошенный в вечной ухмылке. Посмотрев на меня, он утыкается взглядом в свой листок.

Я разворачиваюсь на стуле к нему лицом:

– Что ты предлагаешь?

Он пожимает плечами.

– Понятно. – Я щелкаю ручкой. – Я скорее умру, чем стану шутить по поводу «Ада», поэтому давай так...

– Ты читала? – спрашивает он.

– Что?

– Ну, читала это произведение? – У Мэтта тихий сиплый голос. Он глотает слова, будто ему запрещено разговаривать.

– Только отрывки, но сюжет знаю, – отвечаю я. – Если в двух словах, Вергилий предлагает Данте совершить путешествие по загробному миру. В его сопровождении Данте бродит по девяти кругам ада, смотрит на грешников и постоянно падает в обморок. А в аду опасно терять сознание, хотя самой мне об этом трудно судить: опыта маловато.

Уголок рта Мэтта дергается. На мгновение мне кажется, что я все же заставлю его рассмеяться, но он молчит.

Я жду, что он все-таки выскажет свое мнение. Тщетно.

– Ладно, – продолжаю я. – Что если мы подготовим презентацию в виде игры, предложив ребятам самим распределить себя по девяти кругам?

Выражение лица Мэтта не меняется ни на йоту. Этот тип вообще собирается открывать рот или наше сотрудничество будет проходить в форме моего монолога до самого конца,

пока мы не сдадим работу?

– Что скажешь, Мэтт? – спрашиваю я, приподняв брови.

Он поводит узкими плечами лениво-прелениво – я такого еще не видела.

– Ну, предложить всему классу отправиться в ад пожалуй, неплохое начало.

От удивления я раздражаюсь смехом. Вид у него почти смущенный.

– Круто, – хвалю я. – Тогда делаем демонстрационный плакат, отметим на нем зоны для каждого круга ада и на листках пишем, за какой грех люди попадут в тот или иной круг.

Мэтт издает нечленораздельный звук, похожий на выражение согласия.

– Позже я напишу тебе, и мы обсудим детали, – говорю я. – Мы с тобой в друзьях на «Фейсбуке»?

Он качает головой.

Я вытаскиваю под партой телефон, открываю «Фейсбук» и заношу его в список друзей.

– Готово. – Щурясь, рассматриваю его фотографию. – Что за малыш с тобой?

– Младший брат, – отвечает он, усаживаясь ровнее. – Расселл. Ему три года.

– Симпатяга.

Мэтт слабо улыбается, но тут же снова хмурится.

Я смотрю на часы. У нас осталось еще несколько минут,

а он все молчит, причем так, что вынуждает меня вести беседу.

– Ну что, – говорю я, – готов к выборам?

Мэтт закрывает глаза:

– О черт, совсем забыл про это.

– А зачем ты вообще выставил свою кандидатуру?

– По ошибке.

– А-а-а, – протягиваю я. – Нелегко заставить Клэр внести изменения в бюллетень, но, если ты хочешь снять свою кандидатуру, я могла бы ее уговорить.

– Зачем? – удивляется он. – Тебе нужны весомые аргументы при подаче заявления в вуз?

Я моргаю в растерянности. Это шутка или парень ко мне неровно дышит?

– Не наглей.

– А что, разве не так? – отвечает Мэтт. – Я абсолютно уверен, что самоуправление учащихся для того и существует, чтобы можно было написать в анкете «секретарь десятого класса» и т. д. Я думал о том, чтобы выйти из игры, а теперь уже и не знаю. Почему бы и не побороться?

– По-твоему, общественной работой занимаются ради поступления в вуз? – спрашиваю я. – А ты не думал о том, что есть люди, которым хочется, чтобы наша школа стала чуть менее ужасной?

– Поэтому ты идешь на выборы? – уточняет он.

– Скажем так: во-первых, я не люблю, когда мне хамят;

во-вторых, это вполне достойная причина.

Мэтт фыркает, возводя глаза к потолку. У меня зачесались руки: дать бы ему по шее. *Равнодушие не делает тебе чести*, хочется крикнуть мне. Но я, сдерживая порыв, спокойно говорю:

– К выборам ты относишься несерьезно, но снимать свою кандидатуру не собираешься. А что ты будешь делать, если вдруг победишь?

– Ничего.

– Чудесно! Конечно, кому это надо?!

– Ну хотя бы одному человеку, очевидно, все-таки надо.

– Да, моей подруге Клэр. – Я непроизвольно сжимаю кулаки. – Ладно. Ты на себя посмотри. Как будто три дня обкуривался в закрытом помещении. При желании любой тебя переиграет.

– Так-так, это что – угроза? – хмурится он.

– Возможно.

– Ты не обижайся, – говорит мне Мэтт, складывая на груди руки, – но вы с Джунипер Киплинг тоже не образцовые граждане.

– Это ты о чем?

– Об алкоголе. – Он пожимает плечами. – Меня обвиняешь в наркомании, а сама квасишь каждые выходные. Это лицемерие.

Я могла бы возразить, что не пью, но вообще-то я не считаю себя обязанной опровергать его словесный понос. Что

он может знать о том, как я провожу выходные?! С минуту я сижу, кривя губы, и наконец произношу:

– Потрясающе. Я... нет слов.

– Время вышло. Вернитесь на свои места, – призывает Гарсия.

Я возвращаюсь за свою парту и до конца урока пыхчу от злости.

Едва прозвенел звонок, я первой вылетаю из класса и всю дорогу, пока иду по коридорам в старое крыло, злюсь. Перед шестым уроком, французским, сталкиваюсь с Джунипер. Мы вместе идем на наш ряд.

– Что такая мрачная? – интересуется она. – Как будто кто-то дурно отозвался о «Возвращении джедая».

– Нет, просто я... с Мэттом Джексоном впервые пообщалась. Гарсия дал нам совместное задание.

Джунипер треплет меня по плечу:

– Мои глубочайшие соболезнования.

– Соболезнования приняты. Он такой... – Я тряску кулаком. – Из себя выводит.

– Что он сказал? – смеется Джуни.

– Да нормально он себя вел, пока разговор не зашел о выборах. И сразу в такого гада превратился. – Я хрустнула костяшками пальцев. – Победить должна одна из нас, Джуни, ладно? Договорились?

– Договорились. Хотя ты вроде бы хотела отказаться от участия?

– Хотела, но это было сорок пять минут назад. – Я смахиваю с глаз волосы. – А теперь хочу победить – чисто из вредности, назло.

– Естественно. – Поглаживая воображаемую бородку, Джунипер устремляет вдаль мудрый взгляд. – Знаешь, как говорят? «А теперь пребывают сии три: вера, надежда и злость; но злость из них больше»²⁷.

Я захожусь смехом, столь безудержным, что роняю голову на парту.

²⁷ Аллюзия на строки из «Первого послания к коринфянам святого апостола Павла» (гл. 13, Новый Завет): «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

Клэр Ломбарди

На перемене между шестым и седьмым уроками я прохожу мимо одного из списков кандидатов, которые развесила между рядами шкафчиков. Краем глаза замечаю на листке что-то красное, присматриваюсь. Рядом с именем Оливии кто-то сделал приписку: «Оливия Скотт СОСЕТ!».

Закатывая глаза, я иду дальше.

На полпути я понимаю, что мне следовало сорвать тот листок или хотя бы вымарать приписку. Почему мне это сразу не пришло в голову? Боже, я никудышная подруга.

Вздыхнув, я останавливаюсь у своего шкафчика. В последнее время Оливия скачет от парня к парню, и потому ее интимная жизнь – объект всеобщего интереса. Все это меня напрягает: граффити, громкие обсуждения в коридорах, приглушенные разговоры в классе, которые я невольно слышу.

Она ведь не в вакууме живет. Если спишь со всеми подряд, у тебя создается определенная репутация. Да, это противно, гадко, но так устроена жизнь, и Оливия понимает это не хуже меня. Я ей ничего не говорю. Нет, я не потворствую ее распутству, к тому же оскорбления отлетают от нее как от стенки горох – так зачем встревать?

И все же меня не оставляет неприятное чувство, что я плохой человек, раз не встаю на ее защиту. Мне часто не дает покоя мысль, что я никудышная и просто пока не получила

этому подтверждения. В конце концов, как можно узнать наверняка? Кто тебе это скажет? Кто решится сообщить неприятную новость?

Я забираю из шкафчика буклеты общества юных экологов и иду дальше по коридору. Почему в последнее время все мои подруги слетают с катушек? У Джунипер устойчивость к спиртному как у пятилетнего ребенка, но в прошлую субботу она без всякой причины вылакала зараз три банки пива и, естественно, напилась в стельку. Оливия предположила, что это из-за Томаса Фаллона, доставшего ее своими приставаниями, но, по-моему, если бы Джуни хотела, чтоб он отвалил, она бы так ему и сказала.

Будь у нее проблемы, уж *с нами-то* она наверняка поделилась бы, ведь так?

Может, и хорошо, что она расслабилась, допускает ошибки. На ошибках учатся, верно? Может, Джуни устала от своей правильности.

В коридоре я прохожу мимо Андреа Силверстайн. Двое парней возле меня дожидаются, когда она уйдет, а затем высмеивают Андреа из-за того, что у нее одна прядь волос выкрашена в зеленый цвет.

Как всегда, я понимаю, что должна их остановить. Но – как всегда – при мысли о том, что следует за кого-то заступиться, меня парализует страх, будто, скажи я хоть слово, их смех обратится против меня. Однажды, в шестом классе, мистер Роллинс заметил, что я пишу эсэмэску на уроке, и

заставил прочитать ее вслух. *О боже, Эдди такой милашка, писала я Оливии. Я хочу обменяться с ним телефонами. Это будет суперромантично и вообще класс!*

Ребята покатались со смеху. Я думала, что наложу в штаны от стыда, но Джунипер за меня заступилась. Тот день я помню очень живо, ясно, во всех подробностях: ноябрь, пять лет назад. «Ну что вы как дети малые?! – отчитала наших одноклассников Джунипер. – Вы хотели бы, чтобы она смеялась над вами?».

До этого я ни разу не разговаривала с Джунипер, но после урока она нашла меня и пригласила пообедать с ней и Оливией за одним столиком. Я была ей безумно благодарна, чувствовала себя на седьмом небе от счастья, что попала в их компанию. Они были не только умны, но еще и красивы. У обеих прямые идеальные волосы, чистая кожа. А у меня скобки на зубах, прыщи. Помнится, меня поразило, что они смеются над моими шутками, что вообще смотрят на меня и даже разговаривают со мной. Я перенимала их манеры, страшась, что они меня прогонят так же внезапно, как приняли в свой круг. Но потом я постепенно привыкла к ним, нашла свою нишу. Мы вместе устраивали ночные девичники и вечерами смотрели фильмы.

Я вспоминаю двенадцатилетнюю Джунипер: как она размахивает теннисной ракеткой, выписывая в воздухе восьмерки, а светлые волосы вихряются вокруг ее головы. Ракетка вырывается из руки Джуни, вращаясь, пролетает над нами и

падает в озеро, почти не поднимая брызг.

Я торопливо иду к лестнице, поднимаюсь, перескакивая сразу через две ступеньки. Мыслями возвращаюсь к приписке рядом с именем Оливии и невольно думаю: *С Лив, по крайней мере, хотят спать. А вот меня, готова поспорить, никто не удостоит вниманием, даже если я повешу табличку с неоновой надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» на спине. Или на какой другой части тела.*

Не то чтобы я завидую. Я год и месяц встречалась с самым сексапильным парнем в нашей школе. Да, он бросил меня, почти ничего не объяснив. И что?

Ну хорошо, допустим, я завидую, чуть-чуть.

Он начал оправдываться в тот день, когда мы расстались. Сказал:

– Не надо сравнивать себя... – И осекся, безмолвно прося у меня прощения.

Я не допытывалась – не до того было: меня душили слезы, – но теперь жалею, что не заставила его закончить фразу. *Не надо сравнивать себя... не надо сравнивать себя... не надо сравнивать себя, не надо сравнивать, не надо сравнивать... Слова Лукаса бесконечной петлей закручивались в голове. Мне не надо сравнивать себя с кем, с чем?!*

Всему есть пределы, и, если ты постоянно твердишь об одном и том же, в какой-то момент тебя за это начинают ненавидеть. Два месяца я ни словом не упоминала о нашем разрыве, но – боже! – мне до сих пор больно видеть его лицо.

Высокий, дюжий, безукоризненно одетый Лукас. Я помню тепло его крепких объятий, мятный вкус его поцелуев – помню все, вплоть до текстуры его волнистых волос. Помню, как он первый раз показал мне свою самую личную вещь – дневник с разными списками. Список текущих дел. Списки того, что он запланировал осуществить до конца жизни. Список того, за что он благодарен. Списки людей, которых он любит, и тех, с кем хотел бы познакомиться. Интересно, фигурирую ли я все еще где-нибудь в его дневнике, в котором мне была отведена отдельная страница: *Чем меня восхищает Клэр*.

Теперь я просто еще одно из лиц в коридорах школы, возможно, помещенных в список «Шапочные знакомства». Лукас способен за пять минут подружиться с совершенно незнакомым человеком на улице. Он потрясающе общительный человек – в этом ему нет равных. Он коллекционирует людей, как некоторые коллекционируют монеты – алчно и без разбору. Теперь я похоронена в дебрях его списков как безликая девушка, не заслуживающая внимания.

Прикусив нижнюю губу, я выхожу с лестницы на третьем этаже. Кто-то из парней кричит у меня над головой. Его приятель, прислонившись к шкафчикам, противно гогочет прямо мне в ухо. Я сдержанно вздыхаю. Игнорировать парней в нашей школе просто невозможно. Они постоянно неумело флиртуют с моими подругами и в классе ведут себя шумно, отпускают тупые шуточки, над которыми почему-то все смеются. Наша школьная футбольная команда, которая ни-

когда не показывала столь достойных результатов, как наша команда девушек по теннису, неизменно пользуется всеобщим вниманием – просто потому, что там играют парни. Конечно, я тоже заиклена на парне. Все крутится вокруг парней.

Я захожу в кабинет математики, занимаю свое место в первом ряду и думаю: так бывает со всеми девчонками или я одна такая жалкая дура?

Не понимаю. Мне по-прежнему нужно знать, почему мы расстались и с кем я не выдерживаю сравнения.

– Итак, – обращается к классу мистер Эндрюс, как только прозвенел звонок. Он идет между рядами, раздавая ярко-зеленые листы. – Вопросники. Фамилии не пишите.

Он возвращается к доске и встает лицом к классу, сложив руки на груди. Его глаза блестят за стеклами очков в роговой оправе.

– Нас попросили раздать это на уроках. Опрос проводится анонимно, но отнеситесь к нему серьезно, – продолжает мистер Эндрюс. – Это в связи с собранием, которое проводилось в понедельник.

Покраснев, он прокашливается.

Я вдруг представляю, что это мог быть и Эндрюс. Он всего лишь пару лет как окончил университет, холост, слишком напорист. Готова поспорить, что многие подозревают его. Со дня собрания я критически смотрю на учителей, задаваясь

вопросами: *Кто из них мог бы увлечься нашими ровесниками? Этот что-то скрывает? Или, может быть, та?*

Вчера дома мы получили письмо, о котором предупредила Тернер. Мои родители пришли в ужас. Даже предложили, чтобы я на время оставила школу, пока не найдут виновников. Как будто это выход. Без меня загнется секция тенниса. И комитет по самоуправлению учащихся. И «Юные экологи».

Вздыхнув, я смотрю в анкету: три вопроса и много пустого места.

Оказывал ли вам знаки внимания романтического или сексуального характера кто-нибудь из педагогов или персонала старшей школы города Паломы? Опишите подробнее.

Подвергались ли вы сексуальным домогательствам или становились жертвой непрофессионального поведения (вас обнимали, трогали за плечо против вашего желания и т. п.) со стороны кого-то из педагогов или персонала старшей школы города Паломы? Опишите подробнее.

Располагаете ли вы информацией о том, кто может быть вовлечен в противозаконные отношения?

Я пишу «нет» под каждым вопросом и переворачиваю анкету. Наверняка в нашей школе найдется кто-нибудь, кто ответит глупой шуткой.

В полчетвертого звенит звонок с последнего урока, коридоры наполняются шумом. Ребята дурачатся, демонстративно обнимаясь, похлопывая друг друга по плечам, вышучи-

вая «непрофессиональное поведение». Мне с трудом удается сохранять невозмутимость. Им смешно, а ведь из-за этого карьера кого-то из учителей может быть загублена, кем-то из учеников, возможно, манипулируют. Что, если этому ученику потребуются годы психотерапии или еще чего? «Умора», да и только.

Вместе с редющей толпой я выхожу в залитый солнцем вестибюль. Свет отражается от стен, увешанных неоновыми рекламными плакатами и постерами, зазывающими в различные кружки, из них, наверно, половина моих. Я останавливаюсь у своего шкафчика, оставляю в нем свой учебник по химии и, запирая замок, слышу радостный голос:

– Привет, Клэр!

У меня мгновенно потеют ладони. И не глядя я могу сказать, что это он.

Я поворачиваюсь. Он стоит слишком близко. Эгоист. Знает ведь, что мне даже дышать трудно, когда он рядом. В его присутствии меня охватывает тошнотворно-сладостное томление.

Лукас теперь еще более привлекателен, чем раньше. Высокий лоб, едва прикрытый волнистыми волосами; в левом ухе пирсинг. На свитере, натянувшемся на широких прямых плечах, логотип какой-то модной фирмы; под ним – белая рубашка, из-под которой выпирают ключицы.

Я смотрю в его лицо, и сознание озаряет вспышка воспоминаний – взгляд, которым он смотрел на меня перед тем,

как поцеловать. Тот взгляд излучал тепло, светился удовольствием, и в такие моменты я забывала обо всем на свете. Мое тело слабело, когда я думала о том, что мы принадлежим друг другу.

Помнит ли Лукас что-то такое? Скучает ли по мне?

– Привет, – здороваюсь я, а в голове вертится только одно: *Веди себя как ни в чем не бывало.*

Теперь у меня это лучше получается, если сравнивать с моим душевным состоянием прошлым летом. Порой мне кажется, что я заглядываю в воспоминания какой-то другой девушки – несчастной незнакомки с безумным взглядом и вечно покрасневшими веками.

Мы медленно продвигаемся вместе с толпой к выходу. Я пытаюсь улыбаться. Спрашиваю:

– Как дела?

– В аварию сегодня угодил! – радостно докладывает Лукас, будто речь идет о котенке, которого он взял домой.

– Что? Ты не пострадал? Как это случилось?

– Это было нечто. Теперь я гораздо больше ценю жизнь.

Я смеюсь, но мой смех звучит неубедительно. Лукас убирает со лба волосы, а я смотрю на его руки. Мне до боли хочется провести пальцем по его широкому серебряному кольцу на мизинце. Он по-прежнему тратит на свой внешний вид половину зарабатываемых денег. Покупает себе кожаные туфли и модные джинсы, дорогие шерстяные пальто, броские солнцезащитные очки и футболки, невероятно мягкие

и тонкие на ощупь. И дома его комната усеяна сокровищами: последняя модель ноутбука «Макбук Про», массивные наушники с эффектом шумоподавления. В маленьком обшарпанном жилище Лукаса его приобретения сверкают, как бриллианты.

Только мы выходим из школы, кто-то окликает Лукаса:
– Маккаллум!

Я едва успеваю отскочить в сторону – приятно знать, что у меня по-прежнему хорошая реакция. На Лукаса налетают его товарищи по команде. Один жилистый парень запрыгивает ему на спину, кричит, что тяжести поднимать полезно. Второй обеими руками зарывается ему в волосы, взъерошивая их, так что голова Лукаса превращается в перекати-поле. Клянусь, в нашей команде пловцов самые «голубые» натуралы в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.